

ИБИС

**Альманах
№ 36**

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Почётный член кассы взаимопомощи...

Содержание:

Номер файла:

●	1-я страница обложки	01
●	2-я страница обложки	02
●	Эпиграф к журналу	03
●	Сначала прочтите это	04
●	Портрет	05
●	Основные вопросы Бытия через ясновидение — А. Метельский (продолжение)	06
●	Теософский словарь	07
●	"Оккультный мир" (выдержки из книги) — А. Синнет (1881)	08
●	1001 случай криминала: легко усматривается эзотеричность	09
●	Настоящая литература! Анат. Рыбаков, "Прах и пепел" — повесть о временах сталинизма. Глава 19	10
●	"Козёл на саксе": новая книга выдающегося музыканта А. Козлова	11
●	Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?.. (продолжение)	12
●	"Альтист Данилов" (глава 33)	13
●	Продолжение "Альтиста Данилова": "Шеврикука, или Любовь к привидениям" (глава 20)	14
●	Стихотворение — И. Бродский	15
●	Философема	16
●	Цитата номера	17
●	3-я страница обложки	18
●	4-я страница обложки	19

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже даём примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

**Портрет
главного редактора...**

О некоторых основных вопросах

Проблемы Бытия через ясновидение

(продолжение)

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЧУВСТВЕННАЯ СФЕРА ДУШИ

Высший план этой стороны личности формируется постепенно нами самими в процессе накопления жизненного опыта. Когда золотая основа идет на воплощение в нижние слои, небольшой светящийся комочек овальной формы остается на верхней границе сотворенного мира — на голубом слое (220 тыс.). До разумной стадии развития он выглядит как яйцо, а по мере развития сознания начинает приобретать очертания птенца — сначала появляется хвостик, потом вырисовываются

крылышки, а у зрелых душ начинают выделяться очертания головы, и сходство с птицей возрастает. Это птенцы золотых птиц Мудрости, страна которых находится еще выше, на частоте 410 тыс., в глубине чистых Божественных миров. Серебряная звезда устремляет душу в будущее, ведет ее по пути совершенствования. Золото хранит и помнит опыт прошлого, ибо мудрость и есть накопленный и отобранный положительный опыт переживаний души. Эти птички живут в отдельных золотых домиках, в которых и хранят информацию о прошлом. У них можно спросить о количестве прожитых жизней, о наиболее ярких из них. Но степень их контактности зависит от их зрелости и во многом повторяет манеру поведения и меру общительности человека в жизни. Информация о наиболее сильных переживаниях и привязанностях души в прошлых жизнях, о местах, где она жила, видится в различных образах. Это могут быть книги или связка ключей, музыкальные инструменты, свадебное платье или образы маленьких детей, национальные одежды или танцевальные костюмы, — в общем, всё то, что дорого и близко душе. В этих вещах есть несложная символика: связка ключей свидетельствует о том, что в какой-то жизни человек был состоятельным, оружие — что был воином, музыкальный инструмент или мольберт — занимался искусством, книги — был писателем

или ученым, и т.п. У женщин украшения — свидетельство жизни в достатке, особенно на Востоке.

Сначала меня очень удивило, но по мере расширения знаний о развитии души стало понятным обязательное наличие в домике знака огня, воды, земли и т.д., причем при проверке на близких людях подтвердилось их полное соответствие знаку в гороскопе. При знаке земли в гороскопе — кучки разноцветных земных кристаллов, драгоценных камней; если знак воды — могут стоять сосуды с жидкостью, иногда течет по домику ручеек; огня — в доме костер или камин или печка; воздуха — хрустальная веточка; и т.п.

Такой факт наличия астрологических структур на столь высоком и чистом уровне, а также 12 элементов организации мироздания, как и 12 знаков зодиака и реально видимое на тонком плане влияние планет — свидетельствуют о том, что астрология в основе своей не демоническое ложное знание, а учение, несущее реальную информацию об устройстве этой части мироздания и отражающее ритм борьбы света и тьмы. Другое дело, что в этом мире любое явление Сатана стремится извратить и заставить служить себе.

Вернемся, однако, к золотой птичке — душе. То, что этот образ имеет соответствие в объективной реальности, подтверждалось в моей практике. Во-первых, состояние этого

образа сильно сказывается на общем психологическом самочувствии людей. Такие выражения, как «камень на душе», «обидеть до глубины души» — отражают реальные образы, видимые на этом действительно глубинном плане души: сильные обиды, оскорбления видятся как черные камни внутри тела птички, острые стрелы или спицы, вонзившиеся в нее. Этот план души может иногда полностью или частично выпадать со своего места от сильных стрессов, и тогда у человека действительно «душа не на месте», очень тягостное и тревожное состояние. Птичка может оказаться под колесами транспорта, в каком-то подвале или в лесу, и можно даже узнать, когда это произошло: люди вспоминают о конкретных случаях испуга, душевных потрясений и т.п. Этот трепетный план души очень важен, его обязательно надо возвращать на место и очищать от загрязнений. Даже не видя этих образов, можно помочь молитвой. Когда человек постоянно молится, душа постепенно выбирается из-под камней, или из ям и болот.

Опишу случай, убедивший меня в реальности и значимости этого плана. Я работал по фотографии с человеком, живущим за рубежом, по просьбе его матери. Причины его тяжелого душевного состояния были связаны с этим планом. Когда он был очищен от камней и стрел, там осталось одно кольцо. Я решил, что это тоже чужеродный предмет и надо его убрать, но не тут-то было: птичка тут же

бросилась за кольцом, схватила, прижала. Я вслух сказал матери, что там в душе какое-то кольцо, которое душа не хочет отдавать. «Кольцо? — удивилась мать. — У него действительно есть очень дорогое для него кольцо, подарок от женщины, умершей еще в ранней молодости, и он бережно хранит его до сих пор.»

Этот высокий план души сильно поражается при неудачных личных отношениях с людьми, недостойными любви. Выражение «быть под каблуком» тоже имеет реальное проявление на этом высшем плане эмоциональной сферы души. Если мужчина из-за болезненной страсти к наглым хищницам и искусительницам начинает унижаться, позволяет попирать свое достоинство, то нередко видятся нежные светящиеся тельца, грубо пронзенные насквозь и насаженные на острые каблучки сатанинских прислужниц (и здесь есть о чем поспорить с С.Н.Лазаревым, указывающим на необходимость терпения. Наверное, мы оба правы, и важна просто мера во всём.). И таким девицам нередко попадают порядочные люди, высокие светлые души. В таких случаях общая молитва мало помогает — искусительницы цепко держат добычу, и нужно целенаправленно работать с этим образом, просить Богородицу или Николая Чудотворца восстановить план души в чистоте и цельности.

Вспоминается и другой пациент, попавший в такую ситуацию — под обычное

непроизвольное приворотное колдовство, которым с избытком обладают обворожительные красотки лёгкого поведения. У него это расстройство дошло до глубины души, но важно то, что сделал это он сам, своими неумеренными и явно неоправданными переживаниями: его большая, уже оформленная птица оказалась полусгнившей, какие-то черные ростки пробивались сквозь истончившуюся золотую оболочку, а внутри гнил образ этой недостойной девицы. Отдать свою святыню на поправление свиньям, а затем впасть в уныние от этого — очень тяжелый грех против любви. На физическом же плане пациент этот бывал попервоначально загадочно тосклив, выпивал сначала потихоньку и помалу, а потом практически спился.

С такого или подобного по тяжести греха начинается процесс разрушения этого плана души. Зацепившись, Сатана стремится полностью зачернить и вывернуть наизнанку ослабевшую душу, и если ему это удастся, то высшая мудрость души превращается в грязный комочек, падает со своей высоты в какое-нибудь болото или темный угол. Такие люди и в жизни становятся тяжелыми, они вечно всем недовольны, агрессивны и грубы. Вслед за золотой птичкой разрушаются высшие планы сознания, особенно золотая пшеница, тесно связанная с ней, эстетический уровень, также идущий по женской части души, а интеллект заканчивается максимум на рационально-

логическом уровне, если вообще не низводится до животных потребностей. Столь кардинальные изменения происходят не за одну жизнь и свидетельствуют о глубинном перерождении души. Тут извне, без усилий самого потерявшего душу человека, сделать ничего нельзя. Нужны его собственное покаяние, осознание греховности своей жизни, страстная молитва и изменение своего поведения.

У женщин на этом уровне порой встречаются образы детей внутри птички. Это тоже не норма и свидетельствует об излишней страстности к детям и болезненно неумеренной их опеке. Дети должны находиться на средних планах сердца, отвечающих за долг и ответственность. Забота о детях — наши долг и обязанность¹, но она не должна превышать меру, становиться душевной страстью, иначе начинает подавлять свободу другого, возрастает за счет похищения его собственной ответственности за свою судьбу. Никакой защиты детям это исключительное положение в душе не дает, а у родителя вызывает тяжесть, и вместо помощи детям может стать даже основой для вампиризма от них.

Но бывают и прекрасные образы этого плана у положительных, чистых людей. Например, видятся птички, вся внутренность которых

¹ Опять-таки: не во всех случаях. Так, например, если человек кармически отработал необходимость заботиться о детях (это нередко бывает в конце сансары или на последнем земном воплощении или если человек вообще прислан на Землю по особым соображениям; и др. варианты.) — то к нему утверждение автора неприменимо. (— Ред.)

выглядит как поле цветов. Это свидетельство высоты и тонкости души, щедрой душевной доброты.

В золотой птичке откладывается самый ценный опыт — золотые крупички нажитой мудрости. Добываются они в реальной жизни, в которой этой стороной души руководит уже упомянутая золотая книга — центр переживаний, эмоционально-чувственной жизни. В ней заключен весь опыт души — и положительный, и отрицательный; вот почему ее информация о поведении в той или иной ситуации, основанном на прошлом опыте, должна проходить сквозь фильтры сердца. Но накопленный опыт в любом случае — огромная сила. Это мощный фундамент, внутренняя опора души. Если что-то случается с золотой книгой, человек становится беспомощным, он теряет способность действовать, возникает ощущение потери всех сил — душевных и физических. А когда оно здорова и на месте, то придает ощущение уверенности в своих силах, спокойствия и равновесия. К сожалению, золотая книга поражается довольно часто — в скандалах, ссорах, любых мощных всплесках отрицательных эмоций: например, при просмотре фильмов ужасов или даже просто при виде отдельных сцен насилия, грубости, истерик, сюрреалистических картин, чтения фантастики и т.п. При этом могут возникать страхи, паническое состояние, суеверия, неуверенность. Отрицательные образы входят в

книгу и начинают ее пачкать или рвать страницы.

В этой книге отпечатываются оскорбления, нанесенные человеку, но могут быть и образы, радующие душу. Что касается первых, то в книге одной моей пациентки я видел (прошу прощения) плевок ее свекрови, что в реальности действительно соответствовало сильному и незаслуженному оскорблению со стороны этой самой свекрови. Я попросил Николая Чудотворца очистить книгу, Он, как обычно в таких случаях, забрал ее ненадолго, а когда возвратил на место, то я с удивлением обнаружил между листами книги живые цветы. Я понял этот факт так, что Николай увидел и оценил чистоту души, незаслуженность обиды и восстановил на Своем уровне поправленную справедливость. Состояние пациентки очень изменилось, она стала летать как на крыльях, появилось ощущение счастья, хотя внешние обстоятельства ее жизни (свекровь и т.п.) остались прежними. Это цветы Николая Чудотворца дали столь замечательный результат. Но сразу предупреждаю тех, кому тоже захочется подобного: такой дар надо заслужить. Николай очень требовательный святой и откликается на обращение только чистых душ.

В целом же книга — очень важный план, поддерживающий бодрость и работоспособность души, гармоничное эмоциональное состояние, которое во многом

зависит от силы золотого потока, идущего через книгу — основной канал поступления золота к душе.

На голубом слое (90-100 тыс.) эмоциональный центр выглядит как кубок (или рюмочка — в зависимости от степени развития) с голубой жидкостью. Если жидкость чистая и ее достаточно, это придает душе радостный настрой и возвышенность, яркость и заразительность проявлениям эмоций.

На фиолетовом слое (80 тыс.) — хрустальная чаша с фиолетовой жидкостью. Обеспечивает глубину и масштабность чувств.

На желтом (70 тыс.) — желтый фонтанчик. Он придает бодрость, активный доброжелательный настрой.

На зеленом (50-60 тыс.) находится еще один важный план, на котором выражение «ткань души» приобретает реальные очертания — здесь действительно лежит свернутая в рулон ткань, полотно души. Оно может быть разного цвета, что проявляется в особенностях и характере эмоциональной жизни. Золото придает мудрость, серебро — мужественность, белый цвет — чистоту, голубой — щедрость, открытость, фиолетовый — широту, желтый — интенсивность, зеленый — мягкость, синий — четкость и холодноватость, красный — теплоту, оранжевый — взвешенность. По этому плану идет приветливость, контактность души, от него тоже зависит ощущение силы — человек мало утомляется в общении, когда этот план цел.

Если же он поврежден или вовсе отсутствует, то кажется, что нет сил даже посмотреть на другого. «Выматывают душу» тоже отсюда: есть неприятный вид вампиризма, при котором вампир в общении перематывает ткань на себя. При этом возникает специфическое, четко локализованное ощущение тянущей пустоты в центре груди. Обращаться за помощью на этом уровне можно к Богородице или к пророку Магомеду, но желательно вспомнить, в общении с каким человеком произошла потеря, указать, где искать.

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* Продолжение. Начало в № 5.

ТВАШТРИ (Санскр.) То же, что Вишвакарман, "божественный художник", плотник и оружейник богов. (См. "Вишвакарман".)

ЦАЙЛА (Евр.) Ребро; см. "Бытие", миф о сотворении первой женщины из ребра Адама, первого человека. Забавно, что этот процесс "ребра" не описан ни в каком другом мифе, за исключением еврейской Библии. Другие схожие еврейские слова суть "Цела", "падение", и Целем, "образ Бога". Инман замечает, что древние евреи очень любили каламбурные выражения, и одно из них видит в следующем - Адам пал из-за женщины, которую Бог создал по его образу, от впадины в боку человека.

ЦЕЛЕМ (Евр.) Образ, тень. Тень физического тела человека, также астральное тело - Линга-Шарира. (См. "Цул-ма".)

ЦИМ-ЦУМ (Кабб.) Расширение и сокращение или, как объясняют это некоторые каббалисты, - "центробежная и центростремительная сила".

ЦИРУФ (Евр.) Система сочетаний и перестановок еврейских букв, предназначенная для установления аналогий и сохранения секретов. Например, в форме, называемой Атбаш, взаимозаменителями были А и Т, Б и Ш, Г и Р, и т.д.

ЦУЛ-МА (Кабб.) Букв., "тень". В "Зохаре" говорится (I, 218a, I, fol. 117a, col. 466), что во время семи последних ночей жизни человека, Нэшама, его дух, оставляет его, и его тень, цул-ма, больше не действует, его тело больше не отбрасывает тени; и когда цул-ма совершенно исчезает, тогда Руах и Нэфеш - душа и жизнь - уходят с ней. Часто указывалось, что в каббалистической философии было лишь три, а с Телом, Гуфф, четыре "принципа". Можно легко доказать, что существует семь, и еще несколько подразделений, ибо существует "высший" и "низший" Нэшама (двойственный Манас); Руах, Дух или Буддхи; Нэфеш (Кама), которая "не имеет света от своей собственной субстанции", но связана с Гуфф, Телом; Целем, "Призрак Образа"; Д'юкна, Тень Призрачного Образа, или Майави Рупа. Затем следуют Цурат, Прототипы и Таб-нут, Форма; и, наконец, Цура, "высший Принцип" (Атман), который остается наверху", и т.д., и т.д. (См. Мейер, "Каббала", с. 400 и далее.)

ЦУФОН (Евр.) Имя Борея, Северного Ветра, которого некоторые из древних израильтян обожествляли и которому поклонялись.

ЦУРА (Евр.) Божественный прототип в Каббале. В Оккультизме он включает Атма-Будхи-Манас, Высшую Триаду; вечный божественный Человек. Множественное число - цурат.

ЦУРЕ (Евр.) Почти то же, что и предыдущее: прототип "Образа" целем; каббалистический термин, употребляемый по отношению к так называемому сотворению божественного и человеческого Адама, который в Каббале представлен четырьмя типами, соответствующими коренным расам людей. Еврейские оккультисты не знали никакого Адама и, отказываясь признать в первой человеческой расе Человечество с его Адамом, говорили лишь о "предвечных искрах".

У

У (U). Двадцать первая буква латинского алфавита, не имеющая эквивалента в еврейском языке. Однако, как число оно считалось очень мистическим, как пифагорейцами, так и каббалистами, ибо это является результатом 3×7 . Последние считали ее самым священным из всех нечетных чисел, так как 21 есть сумма числового значения Божественного Имени aeie, или eiea, или aheiha - так (читается справа налево aheihе):

he i he a

$$5 + 10 + 5 + 1 = 21$$

В Алхимии это символизирует двадцать один день, необходимый для превращения менее благородных металлов в серебро.

УАСАР (Егип.) То же, что Озирис, только последнее имя - греческое. Уасар описан как "Яйце-рожденный", подобно Бrame. "Он есть вышедший из яйца Эрос Аристофана, творческая энергия которого вызывает все вещи к бытию; демиург, который создал и оживляет мир, существо - типа олицетворенного Амена, невидимого бога, - подобно как Дионис является связующим звеном между человечеством и Зевсом Гипсистом" (Браун, "The great Dionysiak Myth). Изида называется Уаси, так как она есть Шакти Озириса, его женский аспект; оба они символизируют творящие, наделяющие энергией, оживляющие силы природы в ее аспекте мужского и женского божества.

УЧЧАЙХ-ШРАВАС (Санскр.) Образцовый конь; одна из четырнадцати драгоценностей или сокровищ, созданных при Пахтании Океана богами. Белый конь Индры, называемый Раджой коней.
УЧНИЧА, также Буддочнича (Санскр.) Объясняется как "выступ на черепе Будды, образующий хохолок". Это забавное описание дано

востоковедами, и расходится с другим, согласно которому Учнича первоначально была "коническим или подобным языку пламени хохолком на венце Будды, в позднейших веках представленным как толстый нарост на самом черепе". Это надлежит читать совсем наоборот; ибо эзотерическая философия сказала бы: - Первоначально глазное яблоко с третьим глазом в нем, который позднее в человеческой расе выродился в толстый нарост, чтобы постепенно исчезнуть, оставив на своем месте лишь редко появляющуюся ауру цвета пламени, воспринимаемую только посредством ясновидения, и когда избыток духовной энергии заставляет (ныне скрытый) "третий глаз" излучать свою избыточную магнетическую силу. В данный период нашего расового развития, конечно, лишь одни "Будды" или Посвященные в полной мере пользуются даром "третьего глаза", так как у всех других он более или менее атрофирован.

УДАНА (Санскр.) Случайные речи; также Сутры. В философии этот термин относится к физическим органам речи, таким как язык, рот, голос, и т.д. В священной литературе в целом, это есть название тех Сутр, в которых содержатся случайные проповеди, в противоположность тем Сутрам, которые содержат лишь тот предмет, который предпосылается вопросами, заданными Готаме Будде, и его ответами.

УДАЯНА (Санскр.) Современный Пешавар. "Классическая страна колдовства", согласно Сюан Цзану.

УДАЯНА РАДЖА (Санскр.) Царь Косамби, прозванный Ватсараджей; первый, кто велел изваять статую Будды еще до его смерти; вследствие чего, заявляют римские католики, которые на каждом углу воздвигают статуи Мадонн и Святых - он "стал родоначальником буддийского идолопоклонства".

УДРА РАМАПУТРА (Санскр.) Удра, сын Рамы. Брамин-аскет, который в течении нескольких лет был Гуру Готамы Будды.

УДУМБАРА (Санскр.) Лотос гигантских размеров, посвященный Будде: Нила Удумбара, или "голубой лотос", рассматривается как сверхъестественный знак каждый раз, когда он распускается, ибо расцветает он лишь раз в три тысячи лет. Говорят, что один такой цветок раскрылся перед рождением Готамы; другой, вблизи озера у подножия Гималаев, в четырнадцатом столетии, как раз перед рождением Цонг-к'а-па, и т.д., и т.д. То же сказано и о дереве Удумбара (*ficus glomerata*), так как оно цветет с промежутками во много столетий, как и некоторая разновидность кактусов, цветущих лишь на очень больших высотах и раскрывающихся в полночь.

УЛЛАМБАНА (Санскр.) Праздник "все душ", прототип Дня Поминовения Усопших в христианских странах. В Китае он празднуется в седьмом месяце каждого года, когда как "буддийские, так и даосские жрецы служат обедню, чтобы освободить души тех, кто погиб на море или на суше, из чистилища, рассыпают рис для кормления прет (тридцати шести классов демонов, вечно голодных и жаждущих), освящают домашние родовые алтари, ... читают тантры ... в сопровождении магической игры пальцев (мудры), для успокоения родовых духов семи поколений в Нараке" (тип чистилища или Кама Локи). Автор "Sanskrit-Chinese Dictionary" считает, что это есть древнетибетский (Б'он) "ритуал Гторма, внедрившийся в конфуцианское поклонение предкам", благодаря Дхармаракше, который перевел "Улламбана Сутру" и познакомил с ней Китай. Упомянутая Сутра несомненно является подделкой, так как она выдает эти обряды, ссылаясь на Шакьямуни Будду, и "подтверждает это мнимыми опытами его ближайших учеников, говоря, что Ананда умиротворял прет подношениями пищи". Но, как правильно заявляет м-р Эйтель, "вся эта теория, с идеями о заступнических молитвах, литаниях и рекемиах жрецов, и поклонением предкам, является совершенно чуждой древнему и Южному Буддизму". Также и Северному, если исключить секты Бутана и Сиккима - секты Б'он или Дугпа, короче говоря, красношапочников. Так как известно, что церемонии Дня, или дней, Всех Святых были введены в Китае в третьем столетии (265-292), и так как тот же самый римско-католический церемониал и ритуал в честь усопших, происходящий второго ноября, в те ранние дни Христианства не существовал, то невозможно, что китайцы заимствовали этот религиозный обычай у латинян, но, скорее, последние скопировали его у монголов и китайцев.

УЛЛЕР (Сканд.) Бог стрельбы из лука, который "путешествует по серебряным ледяным дорогам на лыжах". Он покровитель охоты в течение того периода, когда Солнце проходит над созвездием Стрельца; и обитает в "Доме Эльфов Света", расположенном на Солнце и вне пределов Асгарда.

УЛОМ (Финик.) Божество, доступное пониманию. Объективная или материальная Вселенная, в теогонии Моха. Отражение вечно скрытого божества; Плерома гностиков.

УЛФИЛАС (Сканд.) Ученый, который в четвертом веке создал новый алфавит готов - соединение греческих букв с формой рунического алфавита; с этого времени руны начали исчезать и их секрет был постепенно утерян. (См. "Руны".) Он перевел на готский язык Библию, сохранившуюся в "Codex Argenteus".

УЛУПИ (Санскр.) Дочь Кауравия, царя Нагов в Патале (преисподней или, более точно, стране противоположного полушария, Америке). Экзотерически, она была дочерью царя или вождя туземного племени нагов, или нагалов (древних адептов), в доисторической Америке - по всей вероятности, в Мексике или Уругвае. Она была супругою Арджуны, ученика Кришны, которого все устные и записанные предания изображают путешествующим пять тысяч лет тому назад в Паталу (страну противоположного полушария). Этот пуранический рассказ основан на историческом факте. Более того, Улупи, как имя, имеет мексиканское звучание, подобно "Атлан", "Акло" и т.д.

УМА-КАНЬЯ (Санскр.) Букв., "Дева Света"; титул, не очень подходящий для его обладателя, так как это был титул Дурги Кали, богини или женского аспекта Шивы. Каждую осень ей приносилось в жертву человеческое тело; и как Дурга, она была покровительницей тугов, некогда убийц в Индии, и богиней тантрического колдовства. Но в дни древности она не была той, кем является сейчас. Самое раннее упоминание титула "Ума-Канья" встречается в "Кена Упанишаде"; в ней ныне кровожадная Кали была благотворной богиней, существом света и добра, которая добивается примирения Браммы с богами. Она Сарасвати и также Вак. В эзотерическом символизме Кали является двойственным представителем двойственной души - божественной и человеческой, светлой душой и темной душой человека.

УМБРА (Лат.) Тень привязанного к земле призрака. Древние латинские народности подразделяли человека (в эзотерических учениях) на семь принципов, как и любая древняя система, и как теперь делают теософы. Они считали, что после смерти Анима, чистая божественная душа, восходила на небо, место блаженства: Манес (Кама Рупа) нисходила в Гадес (Кама Локу); а Умбра (или астральный двойник Линга Шарира) оставалась на земле, витая около своей могилы, так как притяжение физической, объективной материи и влечение к ее земному телу держало ее в пределах тех мест, которые тело запечатлело своими эманациями. Потому они утверждали, что на земле ничто не может быть увидено, кроме как астральный образ покойника, и даже тот исчезает с разложением последней частицы тела, которое так долго служило его обиталищем.

УНА (Санскр.) Нечто лежащее под чем-то, подчиненное; также второстепенное, и материальное.

УНДИНЫ (Лат.) Водные нимфы и призраки. Один из четырех основных видов духов стихий, которые суть Саламандры (огня), Сильфы (воздуха), Гномы (земли) и Ундины (воды).

УПАДАНА (Санскр.) Материальная Причина; подобно тому, как лен есть основа льняных изделий.

УПАДАНА КАРАНАМ (Санскр.) Материальная причина следствия.

УПАДХИ (Санскр.) Основа; проводник, передатчик или носитель чего-то менее материального, чем он сам: как тело человека есть упадхи его духа; эфир - упадхи света, и т.д., и т.д.; шаблон; определяющая или ограничивающая субстанция.

УПАДВИПА (Санскр.) Корень (лежащий в основе) острова; суша.

УПАНИШАДА (Санскр.) Переводится как "эзотерическая доктрина", или толкование "Вед" с помощью методов "Веданты". Третье подразделение "Вед", добавленное к "Брахманам" и рассматриваемое как часть Шрути, или "открытого" слова. Все же, как записи, они намного старше "Брахман" - за исключением двух, все еще сохранившихся, приложенных к "Риг-Веде" айтареинов. Индусские пандиты объясняют термин Упанишада как "то, что уничтожает невежество, и таким образом производит освобождение" духа, путем познания высшей, хотя и скрытой истины; следовательно, то же, на что намекал Иисус, когда в его уста влагали слова: "И вы будете знать истину, и истина освободит вас" ("От Иоанна", XIII, 32). Именно из этих трактатов "Упанишад" - которые сами суть отголоски первичной Религии Мудрости - и выросла система философии Веданты. (См. "Веданта".) Все же, сколь бы древними "Упанишады" ни были, востоковеды не признают за старейший из них происхождения ранее 600 г. до Р.Х. Принято считать, что этих трактатов 150, хотя ныне приблизительно не более двадцати остались неискаженными. Они касаются очень глубоких, метафизических вопросов, таких как происхождение Вселенной; природа и сущность Непроявленного Божества и проявленных богов; связь, основная и первичная, духа и материи; универсальность ума и природа человеческой Души и Эго.

"Упанишады" должны быть намного древнее времен Буддизма, так как они ни высказывают предпочтения, ни отстаивают превосходство браминов как касты. Напротив, в наиболее древних из них возвышается именно (теперь) вторая каста, Кшатрии, класс воинов. Как утверждает профессор Коуэлл в "History of India" Эльфинстона: "от них веет свободой духа, чуждой всем ранним трудам, за исключением "Риг-Веды". ...Великие учителя высшего знания и брамины постоянно изображаются, как идущие к Царям Кшатриям, чтобы стать их учениками". "Цари-Кшатрии" в древности, подобно Царям-Иерофантам Египта, были хранителями высочайшего божественного знания и мудрости, Избранными и инкарнациями первичных божественных Наставников - Дхиани Будд и Кумар. Было

время, эоны до того, как брамины стали кастой, или даже были написаны "Упанишады" - когда на земле были лишь одни "уста", одна религия и одна наука, а именно, речь богов, Религия Мудрости и Истина. Это было до того, как прекрасные просторы последней, опустошенные народами, говорящими на многих языках, заросли сорняками умышленного обмана, а народные верования, порожденные самолюбием, жестокостью и самостью, разбили единую священную Истину на тысячи осколков.

УПАНИТА (Санскр.) Тот, кому дарован браминский шнур, букв., "приведенный к духовному учителю или Гуру".

УПАРАТИ (Санскр.) Отсутствие исходящих желаний; одно из состояний Йоги.

УПАСАКА (Санскр.) Челы-мужчины или, вернее, приверженцы. Те, которые, не вступая в жреческую касту, дают клятву соблюдать основные заповеди.

УПАСИКА (Санскр.) Согласно востоковедам, "сверхъестественный голос, который слышим ночью, открывающий тайны будущего". Согласно объяснению Оккультизма, голос любого человека на расстоянии - обычно голос сведущего в тайнах эзотерических учений или адепта - наделенного даром отражения как своего голоса, так и астрального образа, на любого человека, где бы он ни находился, независимо от расстояния. Упашрути может "открыть тайны будущего", или же только сообщить человеку, к которому он обращается, какой-нибудь прозаический факт настоящего; независимо от этого это будет упашрути - "двойник" или эхо голоса живого мужчины или женщины.

УПЕКША (Санскр.) Букв., Отречение. В Йоге - состояние долгого бесстрастия, приобретенное самообладанием, полное владение своими ментальными и физическими чувствами и ощущениями.

УР (Халд.) Главное местонахождение лунного культа; город в Вавилонии, где главным божеством была луна, и откуда Авраам заимствовал еврейского бога, который так недвусмысленно связан с луной как творящее и порождающее божество.

УРЕЙ (Греч.) По-египетски Урхен, змей и священный символ. Некоторые усматривают в нем кобру, тогда как другие утверждают, что это аспид. Купер поясняет, что "аспид не есть урей, но гадюка

рогатая, или подвид виперы, т.е. двурога випера. Это королевский змей, носящий пшент ... найа хадже". Урей расположен "вокруг диска Гора, и образует украшение головного убора Озириса, кроме того он еще выступает над челом других божеств" (Бонвик). Оккультизм поясняет, что урей есть символ посвящения, а также сокровенной мудрости, чем всегда является змей. Все эти боги являлись покровителями иерофантов и их наставниками.

УРАГИ (Санскр.) Наги (змий), обитающий в Патале, преисподней или аде - по народному представлению; Адепты, Высшие Жрецы и Посвященные Центральной и Южной Америки, известные древним арийцам; там Арджуна женился на дочери царя нагов - Улупи. По сей день на Кубе и Гаити преобладает Нагализм или поклонение Нагам, в Вудуизм, главное ответвление первого, обосновался в Новом Орлеане. В Мексике главных "колдунов" и "врачевателей" по сей день называют точно так же, как тысячелетия тому назад халдейские и ассирийские Высшие Жрецы назывались наргалами, будучи главами Магов (Раб-Маг), причем эту должность одно время занимал пророк Даниил. Слово Нага, "мудрый змий", стало всемирным, ибо это одно из тех немногих слов, которые пережили крушение первого всеобщего языка. Это слово употребляют туземцы как Южной, так и Центральной и Северной Америки, от Берингова пролива до Уругвая, где оно означает "глава", "учитель" и "змий". Само слово Урага могло достичь Индии и укорениться там благодаря ее связи, в доисторические времена, с Южной Америкой и самим Уругваем, ибо слово это принадлежит к языку американских индейцев. Происхождение урагов, насколько это известно востоковедам, возможно следует отнести к Уругваю, так как о них существуют легенды, которые относят местожительство из предков, нагов, к Патале, стране противоположного полушария или Америки.

УРАНИДЫ (Греч.) Одно из названий божественных титанов, тех, которые восстали против Кроноса; прототипы "падших" ангелов Христианства.

УРИМ (Евр.) См. "Туммим". "Урим и Туммим" зародились в Египте, и символизировали Две Истины, два образа Ра и Тмей, которые были выгравированы на нагрудном знаке Иерофантов, носимом им во время церемоний посвящения. Диодор добавляет, что это украшение из золота и драгоценных камней надевалось Высшим Жрецом при вынесении приговора. Тме (множественное число Тмин) по-еврейски означает "Истина". "Семикнижие переводит туммим, как Истина" (Бонвик). Покойный м-р Проктор, астроном, доказывает, что это еврейское понятие "заимствовано непосредственно от египтян". И Филон Иудей подтверждает, что Урим и Туммим были "два небольших образа Откровения и Истины, помещенные между двойными створками нагрудного знака", и без объяснения проходит мимо последнего, с

его двенадцатью камнями, представляющими двенадцать знаков Зодиака.

УРЛАК (Сканд.) То же, что "Орлог" (см.). Рок; безличная сила, "слепо" наделяющая смертных дарами; разновидность Немезиды.

УРВАСИ (Санскр.) Божественная нимфа, упомянутая в "Риг-Веде", красота которой воспламенила все небеса. Проклятая богами, она спустилась на землю и поселилась там. Любовь Пуруравы (Викрамы) и нимфы Урваси послужило сюжетом для всемирно известной драмы Калидасы "Викраморваси".

УШАНАС (Санскр.) Планета Венера или Шукра; или, вернее, владыка и повелитель этой планеты.

УШАС (Санскр.) Заря, дочь неба; то же, что Аврора латинян и греков. Впервые она упоминается в "Ведах", где она также названа Ахана и Дьетана (осветительница), и где она предстает в самом поэтичном и пленительном облике. Она вечно-преданный друг людей, богатых и бедных, хотя считают, что ей больше по душе последние. Она улыбается всем смертным и посещает их жилища. Она бессмертная, вечно юная дева, свет бедных, и разрушительница тьмы.

УТТАРА МИМАНСА (Санскр.) Вторая из двух Миманс - первая есть Пурва (первая) Миманса - которые, соответственно, образуют пятую и шестую из Даршан, или школ философии. Мимансы включены в общее название Веданта, хотя на самом деле Ведантой является Уттара (написанная Вьясой).

УЗА (Евр.) Имя ангела, который вместе с Азраэлем воспротивился, как учит "Зохар", сотворению человека Элохимами, за что последние уничтожили их обоих.

(продолжение предполагается)

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет
(выдержки)

Невидимые колокольчики - не просто забавный пример, иллюстрирующий свойства тех токов, которые приходят в действие, чтобы произвести звон. Этот феномен служит непосредственной практической цели - поддержанию "телеграфной связи" между оккультистами. Судя по всему, когда между подготовленными оккультистами установлена таинственная магнетическая связь, которая, чем бы она ни являлась, позволяет обмениваться мыслями, то эти люди могут производить звон невидимого колокольчика на любом расстоянии от себя, там, где находится собрат-посвященный, внимание которого они хотят привлечь. Вечером, когда мы все сидели дома в своем узком кругу и спокойно читали, я неоднократно слышал, как мадам Блаватскую вызывали подобным образом. Внезапно раздавался тихий звон колокольчиков, и мадам Блаватская вставала и уходила в свою комнату, чтобы предаться каким-то оккультным занятиям, которые и были причиной вызова. Прекрасный пример того, как некий собрат-посвященный может произвести такие звуки на

расстоянии, мы наблюдали однажды вечером при следующих обстоятельствах.

У нас ужинала одна дама, гостившая в Симле у своих знакомых. Около одиннадцати часов мне принесли записку от хозяина дома, где она остановилась. Туда было вложено письмо, которое он просил передать мадам Блаватской, чтобы последняя оккультным способом переправила его определенному члену великого Братства, с которым состояли в переписке и я, и упомянутый джентльмен. (О том, каковы были обстоятельства этой переписки, я расскажу позднее). Нас всех очень интересовало, можно ли отправить это оккультное послание, причем мы хотели узнать это сразу же, до того, как гостя автора записки вернется в его дом: ведь тогда она могла бы передать ему ответ. Но мадам Блаватская заявила, что ее способностей недостаточно для такого подвига. В послании же задавался вопрос о том, сможет ли определенное лицо, один не вполне зрелый брат, проживавший в окрестностях Симлы, оказать автору письма необходимую помощь. Мадам Блаватская сказала, что посмотрит, сумеет ли она "найти того человека", и, взяв послание, отправилась на веранду, куда мы все за нею и последовали. Опершись на балюстраду и созерцая широко простиравшуюся перед нами долину Симлы, мадам Блаватская несколько минут стояла в молчании, совершенно неподвижная, как и все мы; ночь уже давно наступила, и все обычные звуки умолкли,

поэтому ничто не нарушало царившую вокруг тишину. Вдруг в воздухе перед нами прозвучала чистая нота невидимого колокольчика. "Все в порядке, - воскликнула мадам, - он получит послание!" И вскоре это письмо и вправду было передано надлежащим образом. Но о том, какой феномен был связан с его передачей, будет лучше рассказать в связи с иными примерами.

Я перехожу теперь к ряду эпизодов, которые выставляют оккультные силы в более поразительном свете, нежели любой из случаев, описанных мною выше. Для научного ума воспроизведение звуков при помощи силы, неизвестной обычной науке, должно быть не менее ясным доказательством существования этой силы, нежели более поразительные феномены, связанные с передачей на расстоянии твердых предметов оккультным путем. Звук достигает нашего слуха лишь благодаря колебанию воздуха; а ведь с точки зрения обычного сознания вызвать силою мысли даже самое слабое колебание воздуха столь же невозможно, как и выкорчевать дерево с корнями из земли. Тем не менее в сфере чувственно воспринимаемых явлений существуют разные степени чудесного, какою бы нелогичной ни была эта градация.

Первый эпизод из той разновидности, к которой я намерен сейчас перейти, не относится к феноменам, способным послужить безупречным доказательством в глазах стороннего наблюдателя. Я описываю этот

случай в основном для тех читателей, которые уже осознали возможность подобных феноменов благодаря занятиям спиритизмом или опытам иного рода и которых больше интересуют не просто тесты и проверки, а эксперименты, бросающие свет на происхождение подобных явлений. Если бы этот эксперимент был организован немного лучше, он мог бы сыграть роль прекрасной научной проверки; но когда мадам Блаватская предоставлена в этих делах сама себе, она неизменно является наихудшим изобретателем тестов, какого только можно себе представить. Совершенно не понимая проявлений самоуверенного и недоверчивого темперамента, посвятив всю жизнь личному развитию в кругу азиатских мистиков и обладая скорее творческими, нежели критическими способностями, она никогда не могла встать на позиции наблюдателей-европейцев, высказывающих самые замысловатые подозрения при встрече с простейшей формой чудесного. Чудесное, причем в проявлениях настолько фантастических, что они почти ускользают от обыденного понимания, ежедневно питало ее жизнь на протяжении многих лет; легко понять, что в глазах этой женщины ревнивое недоверие, которым обычные люди встречают малейшие проявления оккультной силы, и их стремление найти хоть какую-нибудь лазейку для своих подозрений выглядят не менее глупыми и

утомительными, чем левоверная личность - в глазах обывателя.

Однажды днем, в последних числах сентября, моя супруга направилась вместе с мадам Блаватской на вершину соседнего холма. Их сопровождала одна приятельница. В тот раз меня с ними не было. Находясь на вершине, мадам Блаватская шутливым тоном спросила мою супругу, каково ее заветное желание. Жена ответила наобум, экспромтом: "Получить послание от одного из Братьев". Мадам Блаватская вынула из кармана чистый кусок розовой бумаги, оторванный от записки, которую она получила в тот день. Сложив листок и засунув его внутрь небольшого компаса, она встала на гребень холма. Несколько мгновений подержав в руках компас, она вернулась и сообщила, что отправила листок Брату. Вскоре после этого, мысленно связавшись с далеким Братом оккультными методами, мадам Блаватская сказала, что он спрашивает, в каком именно месте моя супруга предпочтет получить предназначенное ей письмо. Сперва моя жена пожелала, чтобы письмо, порхая в воздухе, упало ей на колени; однако затем они принялись обсуждать, действительно ли это наилучший способ, и в конце концов пришли к решению, что моя супруга найдет послание на определенном дереве. Это, конечно, было ошибкой, которая открывает путь подозрениям категорически настроенных скептиков. Она наверняка даст

почву предположениям, что у мадам Блаватской были свои причины настаивать на том, чтобы выбрать в качестве почтового ящика именно дерево. Я лишь считаю нужным повторить для читателей, которые поддержат это подозрение, ознакомившись со всей предысторией, что привожу здесь данный случай не в качестве доказательства чего-либо, а просто как небезынтересный эпизод.

Видимо, сначала мадам Блаватская неверно описала то дерево, на которое указал далекий Брат; не без труда вскарабкавшись на нижнюю ветку голого ствола, лишенного листьев, моя супруга так ничего и не нашла. После этого мадам снова вступила в контакт с Братом и поняла свою ошибку. Другое дерево стояло чуть подальше; к нему не стали приближаться ни мадам, ни ее вторая спутница. Моя супруга взобралась на это дерево и, оказавшись на высоте нескольких футов над землею, внимательно осмотрела ветки. Сначала она ничего не обнаружила, но затем, не меняя положения тела, - повернула голову и увидела на тоненькой веточке, где еще секунду назад не было ничего, кроме листьев, маленькую записку на розовой бумаге. Записка была наколота на черенок листа, сорванного совсем недавно, потому что черенок этот был еще зеленым и влажным; ведь если бы лист сорвали загодя, черенок, как можно догадаться, имел бы увядший вид. В послании содержались следующие слова: "Меня попросили оставить

здесь записку для вас. Чем я могу быть вам полезен?" Внизу стояла подпись - несколько букв тибетского алфавита. Судя по всему, письмо было написано на том самом листке розовой бумаги, который мадам Блаватская вынула из кармана незадолго до этого - только тогда листок был еще чист.

Как же удалось сначала переправить этот листок Брату, который написал на нем свое краткое послание, а затем вернуть его обратно, на вершину холма? О том таинственном способе, которым записка попала на дерево, я даже не говорю. Какие бы предположения я сам ни выдвигал на этот счет, подробно излагать их будет преждевременно, пока я как следует не изучил наблюдаемые факты. Бесполезно дискутировать об устройстве плавников летучей рыбы с людьми, которые вообще не верят в существование летучих рыб и отказываются признавать какие-либо феномены, кроме чудес, признанных ортодоксальной церковью.

Теперь я перейду к рассказу о происшествии одного чрезвычайно замечательного дня. Необходимо отметить, что накануне мы предприняли небольшую экспедицию, которая обернулась *соур тапче**, хотя впоследствии у нас были все основания предполагать, что если бы не несколько досадных просчетов, она могла бы привести к весьма интересным результатам. Мы сбились с пути, направляясь в некое место, которое мадам Блаватской неточно описали (а может быть, она и сама неточно поняла

описанное). Указанное описание она получила в ходе оккультной беседы с одним из Братьев, находившимся в тот момент проездом в Симле. Если бы мы двигались правильным маршрутом, то получили бы счастливую возможность встретиться с этим Братом, поскольку он остановился на одну ночь в каком-то старом тибетском храме или гостинице для путешественников. Такие заведения попадаются в Гималаях, и лишь глухое безразличие английских обывателей виною тому, что последние не придают подобным местам особого значения и вообще не проявляют к ним никакого интереса. Мадам Блаватская совершенно не знала Симлы; уже то, как она описала место, куда хотела нас отвести, наводило на мысль, что она имела в виду совершенно иной пункт назначения. Мы тронулись в путь, и долгое время мадам утверждала, что мы движемся в верном направлении, поскольку она чувствует определенные токи.

Впоследствии выяснилось, что значительная часть дороги, по которой мы шли, совпадала с правильным маршрутом, но, слегка отклонившись от него в одном месте, мы попали на переплетение троп, которые вели по холмам в совершенно неверную сторону. В итоге мадам полностью потеряла ориентацию, и мы попытались вернуться в то место, где сбились с дороги. Мы обсуждали топографию Симлы, которую хорошо знали, стараясь догадаться, где

находится то место, куда нас пыталась привести мадам Блаватская, но наши усилия были тщетны. На склоне одного холма мадам Блаватская заявила, что вновь ощущает исчезнувшие были токи, и мы решительно двинулись вниз. Однако оккультные токи могут проходить и в таких местах, где путешественники пройти не в состоянии; когда мы попробовали одолеть этот спуск, я уже понимал, что наше дело обречено. Через некоторое время экспедицию пришлось прервать, и мы в расстроенных чувствах вернулись домой.

Возможно, читатель спросит: "Почему же этот всеведущий Брат не почувствовал, что мадам Блаватская заблудилась, и вовремя не указал вам правильное направление?" Я предвижу этот вопрос, так как знаю по опыту, что людям, не привыкшим заниматься подобными предметами, трудно понять отношение Братьев к исследователям вроде нас. Например, в нашем случае никоим образом нельзя было сказать, что Брат, о котором идет речь, с нетерпением ждет нас, горя желанием доказать факт собственного существования ареопагу высокоумных англичан. Нам так мало дано узнать о повседневной жизни адепта оккультизма, что мы, непосвященные, можем сказать лишь очень немногое о его подлинных интересах; однако в наших силах выяснить, по крайней мере, то, что интересы, постоянно занимающие его внимание, связаны с его

непосредственной работой, к которой никоим образом не относится удовлетворение любопытства людей, увлекающихся оккультизмом, но не проходящих систематического оккультного обучения.

Напротив, адепту даже возбраняются любые уступки подобному любопытству, кроме как в самых исключительных обстоятельствах. В нашем же случае события, вероятно, развивались следующим образом. Мадам Блаватская, очевидно, ощутила своими оккультными "щупальцами", что поблизости оказался один из ее выдающихся друзей. Страстно желая порадовать нас, она немедленно поинтересовалась, можно ли привести нас к нему. Наверное, он отреагировал на ее просьбу примерно так же, как королевский астроном* отнесся бы к вопросу друга, можно ли привести в обсерваторию группу леди, которым хочется посмотреть на звезды в телескоп. Тем не менее желая доставить удовольствие мадам Блаватской, своему неоперившемуся собрату по оккультизму, адепт, вероятно, сказал: «Прекрасно, приводите их, если вам угодно; я буду в таком-то месте». Затем он вернулся к работе и вспомнил о нашем несостоявшемся визите лишь тогда, когда было уже поздно. Только после этого адепт, надо думать, направил свое оккультное восприятие на обстоятельства произошедшего.

(продолжение предполагается)

1001 смерть

А.П.Лаврин¹

Поменьше калибром, но тоже весьма опасным был другой петроградский убийца - Митька Картавый. Сохранился рассказ сотрудника угрозыска Кондратьева о поимке убийцы:

"Едем за Митькой Картавым. Оказалось, сотрудник Симкин увидел его в пивной на углу Ямской улицы и Кузнечного переулка. Пивная была на втором этаже. Симкин побежал в аптеку и оттуда позвонил. Мы поехали... Недалеко от угла Ямской нас встретил Симкин и сказал, что Митька с кем-то играет на бильярде.

Шуляк оставил для дозора сотрудника в воротах, другого у дверей и двинулся к входу, с ним Симкин и мы. Шуляк прямо бросился в бильярдную, и тотчас раздались выстрелы. Какой-то человек с браунингом, стреляя на бегу, бросился через комнату к выходу, пуля поразила Симкина, и он упал как скошенный. Мы вбежали в бильярдную. Шуляк лежал на полу; на подоконнике открытого окна стоял Митька Картавый с револьвером в руке. Он тотчас

¹ Продолжение.

открыл стрельбу. Мы ответили ему. Он не то упал из окна, не то прыгнул. Часть сотрудников побежала вниз во двор. Мы подняли Шуляка и понесли в автомобиль. Довезти его до больницы не удалось: он умер. Митька пробил ему шею. Симкин был убит на месте, сразу. На дворе нашли кровавый след. Он вел к подвалу. Когда подошли к лестнице в подвал, то внизу ее увидели скрючившегося Митьку Картавого. Он умирал. Очевидно, чья-то пуля поразила его, и он выпал из окна, уже смертельно раненный".

Самым знаменитым убийцей последних лет стал в СССР Геннадий Михасевич (1947-1987), живший в поселке Солоники под Полоцком. Первое убийство он совершил в 1971 году и с каждым годом убивал все больше и больше (жертвами были только женщины). Всего в 1971-1984 гг. он убил 36 женщин, причем в 1984 году - 12 человек.

Михасевич совершал убийства, как правило, возле дорог; все его жертвы были задушены одним способом - резко стянутой косынкой, шарфом или пучком травы. Место убийств тоже было определенным - в районе между городами Витебск и Полоцк, поэтому дело Михасевича и называли "витебским".

До того, как преступника разоблачили, по обвинению в совершенных им убийствах осудили 14 человек. Один из невинно осужденных был расстрелян, другой едва не кончил жизнь самоубийством, третий отсидел в

тюрьме 10 лет, четвертый после шестилетнего заключения совершенно ослеп... Все эти люди признались в якобы совершенных ими убийствах из-за примененных к ним милицией и следственными органами избиений и пыток.

Михасевич с юношеских лет страдал комплексом сексуальной неполноценности, от которого мог бы вовремя избавиться, если бы обратился к врачу. Но где в провинциальном советском поселке вы видели сексопатолога? Их и в городах-то днем с огнем не сыщешь, да еще в то время... Короче говоря, комплекс порождал агрессию, которая требовала выхода. Первое и второе убийства прошли безнаказанно, у преступника появилась тяга к "приключениям", — как говорят психиатры, "по принципу закрепления". Убийства стали для него, по определению журналиста, "разновидностью спорта".

Внешне Михасевич вел вполне благопристойную жизнь: работал заведующим ремонтными мастерскими, имел семью и 2 детей, и даже был дружинником, нештатным помощником милиции. Возможно, он еще много лет продолжал бы совершенствовать свой страшный "вид спорта", а в тюрьмы сажали бы невинных людей, если бы не чутье, настойчивость и профессионализм следователя Н.И.Игнатовича, сумевшего доказать, что все убийства женщин в данном районе - дело рук одного и того же человека.

Когда кольцо следствия стало приближаться к месту проживания Михасевича, он заволновался, написал измененным почерком анонимное письмо в областную газету, где утверждалось, что женщин убивают местные мужчины, мстя своим возлюбленным за неверность. Письмо он подписал выпендренно: "Патриоты Витебска". Для вящей убедительности после отправки письма поехал в Витебск, убил еще одну женщину и возле тела оставил записку, подписанную так же - "Патриоты Витебска". Но письмо и записка только ускорили поимку убийцы. Они дали следствию серьезную улику — почерк преступника, хоть и измененный.

Кто-то из свидетелей видел, как одна из женщин незадолго до смерти садилась в красный "Запорожец". Следователи, проверяя почерки всех владельцев красных "Запорожцев", проверили и почерк Михасевича. Поначалу совпадений не было обнаружено. Но затем, когда нашли документы, написанные им второпях, обнаружили и совпадения ряда элементов письма. После ареста Михасевича удалось отыскать и множество других доказательств, включая вещи убитых женщин.

Суд приговорил Геннадия Михасевича к расстрелу.

В 1990 г. по материалам "витебского дела" был поставлен фильм "Место убийцы вакантно". И словно по иронии судьбы, в том же году в Советском Союзе объявился еще один маньяк,

убивавший женщин, - на этот раз в Москве, Александр Гаврилович Тимофеев. Этот 33-летний человек совершал нападения на женщин, причем не только молодых. Он насиловал их, измывался над ними, с особой жестокостью убивал. Вот хроника его деяний всего лишь за 2 месяца: 12 июля 1990 г. - убийство, 14 июля - сразу два покушения на убийство, 27 июля - убийство, 10 августа - убийство, 18 августа - убийство... Возможно, он совершал аналогичные преступления и в других городах. С 1988 года Тимофеев был лицом без определенного места жительства. Многим людям он представлялся как "афганец", полковник или подполковник Советской Армии. В конце концов, его все-таки арестовали.

А в самом конце 1990 года удалось арестовать еще одного маньяка — Андрея Чикатило, 1936 года рождения, 10 лет терроризировавшего жителей Ростовской и соседних областей. За это время по сексуальным мотивам он с особой жестокостью убил более 30 женщин и детей. Как и в случае с Михасевичем, Андрей Чикатило долгие годы был вполне благополучным гражданином. Окончил филологический факультет Ростовского государственного университета, женился, вступил в Коммунистическую партию Советского Союза, исправно платил партвзносы, участвовал в «построении новой общности людей - советского народа», вырастил двух детей. В разное время Чикатило работал председателем районного

комитета по физкультуре и спорту, учителем (!), мастером производственного обучения, воспитателем (!) в профессионально-технических училищах, сотрудником снабженческих организаций. В 1984 году бес попутал - совершил Чикатило хищение, но бдительные органы не дремали: привлекли его к уголовной ответственности за хищение. По этой же причине исключили его из рядов КПСС. Так что последние 6 лет Чикатило убивал людей, будучи уже беспартийным.²

² Никто так и не поверил Чикатило, когда он оправдывался тем, что убивал по поступавшему к нему психическому приказу извне. Действительно, ему приказывал убивать один психически больной человек. Так что фактически осудили невинного. В истории человечества таких случаев необозримое множество — из-за эзотерической его безграмотности. (— Ред.)

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

В жизни Климента Ворошилова не было страшнее тех двух месяцев, что выпали на его долю летом 1938 года. Два месяца Ворошилова не приглашали на заседания Политбюро, на его звонки Сталин не отвечал, на доклады к себе вызывал одного Шапошникова - начальника Генерального штаба. Ворошилов не спал ночами. Вставал, брел на кухню, пил медленными глотками холодную воду, чтобы успокоиться. Что будет, что будет? Арестуют и расстреляют, как арестовали и расстреляли десятки тысяч командиров, как расстреляли почти весь высший командный состав Красной Армии, как расстреляли несколько составов Политбюро... А ведь на все эти аресты и расстрелы он, Ворошилов, беспрекословно давал согласие - и на расстрелы людей, которых вовсе не знал, и на расстрелы тех, кого знал как отважных бойцов и талантливых военачальников. Ни разу не оспорил ни один арест, наоборот, требовал жесточайшего наказания, лишь бы угодить Кобе, лишь бы Коба был доволен. С 1919 года, с Царицына, вся его жизнь была отдана Кобе, служил ему верно и преданно, первым, еще в двадцатых годах, написал о роли товарища Сталина как главного организатора и полководца гражданской войны, прославлял его в каждом выступлении, боролся с его врагами. А теперь и за ним придут ночью, кинут в тюрьму, будут бить, пытаться и мучить,

заставят все подписать, и он, любимец народа, герой гражданской войны, останется в истории как изменник, предатель и шпион. Екатерину Давидовну, детей тоже будут пытать и мучить, а потом или убьют, или отправят в лагерь, где они погибнут на валке леса.

Всхлип вырывался из горла. Коба издевался над ним: "А ты их не пускай, если за тобой придут!" Что значит: не пускай?! Взломают дверь, скрутят руки. Застрелиться? Тогда объявят, что он умер от разрыва сердца, похоронят с почестями на Красной площади, жену и детей не тронут, и в памяти народной он останется тем, кем и был: первым красным офицером. И все же умереть здоровым, крепким, молодым... — ведь ему всего пятьдесят пять, а давали сорок пять - сорок семь. И на портретах выглядел на тот же возраст. Умереть, когда достиг такой высоты, вся страна его знает! И вот все кончено. Коба, Коба, не ценишь ты преданных людей, кем хочешь меня заменить - болваном Буденным? И за что? Ну, поступил неосторожно, необдуманно, но ведь мелочь, не преступление, никто, кроме меня и тебя, Коба, о том разговоре не знает. Можно бы и простить. Не прощает.

Вся беда - Екатерина Давидовна уехала тогда на дачу, остался дома один, и тут звонят Кондратьевы, оказались проездом в Москве, он их и пригласил зайти. И раньше приглашал Мишку Кондратьева, когда тот бывал в Москве, и

Екатерина Давидовна его хорошо, сердечно принимала, знала - Миша Кондратьев спас ему в девятнадцатом году жизнь, грудью заслонил, принял на себя белогвардейскую пулю. И дочь Кондратьевых в прошлом году поступала в университет, и ее Екатерина Давидовна сердечно принимала и с университетом помогла. Только Наталью в дом не пускала, знала о той истории в Царицыне. Хотя какая история? Ничего особенного. Нравилась ему Наталья, так она всем нравилась - огонь-девка была. Но ведь вышла-то она замуж за Мишку Кондратьева, демобилизованного из рядов Красной Армии по тяжелому ранению, как инвалид. А Клим жил у них, и другие товарищи жили, — Сталин, например... Хорошие ребята. Так что зря Екатерина Давидовна таила что-то на Наталью. Но баба есть баба, хоть и умная, образованная, но с характером. Дом у них спокойный, благоустроенный, никаких конфликтов он в доме не желал и потому Наталью никогда не приглашал. Миша всегда приезжал один, работал в банковской системе, бывал в командировках. И вот звонят - оба в Москве, проездом. А он дома один, Екатерина Давидовна с домработницей на даче, значит, можно и Наталью позвать, почему не повидать старых боевых друзей, коммунистов, ни в каких оппозициях не состояли, родственников за границей нет, дочка в Московском университете, сын еще школьник, сам товарищ Сталин их знает, люди надежные, да и на Наталью

интересно посмотреть, какая она стала через двадцать лет, и она пусть им полюбуется - маршалом Советского Союза.

Хоть и жарковато было - июль на дворе, но он надел китель со всеми маршальскими отличиями, с орденами и медалями - знал, идет ему эта форма и народ к ней привык, да и Наталья по портретам именно таким его и представляет, вот пусть и полюбуется.

Ворошилов открыл им дверь. Мишка почти не изменился после последнего приезда в Москву, только чуб совсем седой стал, а сколько ему?.. Сорок с небольшим. Ну а Наталья как вошла, так сразу пахнуло молодостью, такая же, как и была, фигуристая, особенная стать у казачек, пышногрудая, крутобокая, глаза такие же огневые, черные, и голос певучий, завлекательный.

Он по-хозяйски, но степенно хлопотал, пригласил к столу. Они за стол сели, но ни к водке, ни к вину, ни к закускам не притронулись, приступили сразу к разговору. Оказалось, по делу пришли. Сын их, Сережа, - мальчик психически больной, отчего и почему больной, никто не знает, они его и в Москву возили, и местным врачам показывали, все одно говорят - болезнь неизлечима. Правда, не буйный, тихий мальчик, заговаривается часто, бормочет что-то, чего бормочет, не понять. Состоит на учете в психдиспансере, последний год пролежал в психбольнице, два месяца назад выписали, устроили на картонажную фабрику коробки

клеить. Было там собрание, и вот придумали, будто Сережа крикнул: "Долой Сталина!" Он такого крикнуть не мог, политикой не интересуется и не кричит никогда, разговаривает тихо, нечетко слова выговаривает, бормочет чего-то про себя, и если что-то сказал не так, надо учитывать - психически больной. А его арестовали и приговорили к расстрелу: "За призыв к террористическому акту!" Шестнадцать лет парню! И вот, значит, Климент Ефремович, помогите спасти сына!

Ворошилов знал, что в такого рода делах помогать никому не следует. Если мальчик действительно произнес "Долой Сталина!" (такие слова и повторять страшно), то никто за него не вступится - ни Вышинский, ни Калинин, сумасшедший он или не сумасшедший, взрослый или мальчик. Помочь в таком деле может только сам Сталин. И зацепка есть: Сталин знает Кондратьевых, жил у них, и Мишку знает, и на Наталью заглядывался, тогда она на сносях была, на восьмом месяце, это ее спасло, а то не пропустил бы ее Коба. И можно ему не говорить про эти слова: "Долой Сталина!" Так, мол, брякнул чего-то психически больной мальчик, а его к расстрелу.

И он пообещал помочь. Наталья так умоляюще смотрела на него своими черными глазами, столько было в них мольбы и страдания, столько ее глаза всколыхнули в памяти, так ему хотелось показаться перед ней всемогущим, что

он сказал: "Ладно, ребята, не горюйте, постараюсь помочь, разберемся".

С тем они и ушли, обнадеженные. А Ворошилов пораскинул мозгами и решил, что зря обнадежил: с таким делом соваться страшно. И пожалел, что Екатерины Давидовны не было дома. Была бы дома, не позвал бы он Кондратьевых, отговорился бы чем-нибудь и не узнал бы про эту историю. Случайно все получилось, однако случай опять подвел Климента Ефремовича.

Через несколько дней сидел у Сталина. Сталин был в хорошем настроении, вспоминали почему-то Царицын, и тут Ворошилов вдруг спросил:

- Коба, помнишь Кондратьевых?
- Каких Кондратьевых?
- В Царицыне ты жил у них на квартире.
- Молодые такие, хлопотливые, муж и жена?
- Вот-вот. Те самые.
- Как они?
- Ничего. Он работает в Стройбанке, она директор техникума.
- Передавай привет.
- Большое несчастье в их семье.
- Что за несчастье?
- Сын психически больной с детства, год провел в психиатрической больнице, сейчас вышел, но все равно больной, сумасшедший.
- Чем можно помочь?
- Как поможешь? Неизлечимый больной. Помочь надо бы в другом. Понимаешь, он что-

то выкрикнул на собрании, его арестовали, приговорили к расстрелу. Парню шестнадцать лет. Его нельзя было выпускать из больницы, выпустили.

- А что он выкрикнул?

- Чего-то там... Что с него взять? Сумасшедший. Сталин поднял на Ворошилова тяжелый взгляд.

- Что именно он выкрикнул?

- Но, Коба!.. Мало ли что несет сумасшедший...

Сталин продолжал смотреть на Ворошилова:

- Что именно он выкрикнул?

- Откуда мне знать, - заволновался Ворошилов, - сумасшедший...

- Если ты взялся за него хлопотать, значит, обязан знать.

- Зал большой. - От волнения Ворошилов вспотел, проклял себя, что ввязался в эту историю. - Шумно, никто ничего толком не слышал, а двое каких-то заявляют, будто он выкрикнул... "Долой Сталина!"

Сталин отвел глаза, подумал и сказал:

- Нам такие сумасшедшие не нужны.

ОН потом проверил - мальчишку расстреляли. И правильно. Иначе каждый террорист объявит себя сумасшедшим. А почему этот сумасшедший не кричал: "Да здравствует товарищ Сталин!"? Почему не вообразил себя Сталиным? Ведь воображают они себя Наполеонами, Иисусами Христами. Никакой сумасшедший еще не кричал:

"Долой Наполеона!", "Долой Иисуса Христа!" Нашел за кого просить! Болван! ОН этого болвана держит при себе, сохраняет, выдвигает, а он, идиот, лезет с такими ходатайствами! Подсовывает ЕМУ такую историю. Член Политбюро! Хочет показать, какие выкрики раздаются на собраниях в адрес товарища Сталина?!

Сталин два месяца не принимал Ворошилова. Пусть походит, не зная, что его ожидает, пусть пораскинет мозгами.

А что еще оставалось делать, только и оставалось, что думать. С должности народного комиссара обороны не сместили, каждый день ездил в наркомат, проводил заседания коллегии, принимал командующих округами, командующих родами войск, отдавал приказы. Как член правительства участвовал в заседаниях Совнаркома, остальные наркомы, в том числе Молотов и Каганович, его слушали, будто ничего не изменилось, ничего не произошло, как и раньше, присылали документы, которые положено присылать члену Политбюро. Но Ворошилов хорошо знал эту сталинскую игру с обреченным человеком.

Детям Ворошилов ничего не говорил, а Екатерине Давидовне рассказал. Только представил дело так, что он ждал Кондратьева одного, а тот пришел с женой. На эту мелочь Екатерина, женщина мудрая, не обратила внимания. Сказала, что не надо предаваться

панике, что будет, то будет. Но согласилась: лучше смерть, чем мучения и пытки. Если придут сюда, домой, то они застрелятся оба, у каждого есть пистолет. Если придут за ним на работу, он застрелится у себя в кабинете, а она покончит с собой дома. Детей трогать не надо, взрослые - сами для себя все решат. Поцеловала его, сказала, что, если придется умирать, умрет спокойно, благодарна за жизнь, которую они вместе прожили, была счастливой. Ворошилов всплакнул на груди у жены, любил ее, ничем никогда не подвела, не лезла в кремлевский высший свет, занималась домом, детьми, им занималась, подбирала ему книги для чтения, ходила с ним в оперу, оба любили музыку, пластинки собирала, поощряла его увлечение живописью, водила на выставки, никогда ни в чем не упрекала. И было дело военспецов, и дело Тухачевского и других военачальников, она в это не вмешивалась, молчала, — хорошая жена, настоящая! И о политике почти никогда не рассуждала, а если изредка и говорила, то все в точку! И на этот раз не ошиблась, вот ведь какая женщина!

30 сентября, когда Ворошилов приехал домой обедать (обедал он обычно дома), Екатерина Давидовна его спросила:

- Ты в курсе событий в Мюнхене?
- Что-то по радио передавали, какое-то соглашение будто заключено. В газетах ничего нет.

- В газетах будет завтра. Постарайся узнать сегодня. Я думаю, это очень серьезно, возможно, это война. Без тебя ОН теперь не обойдется.

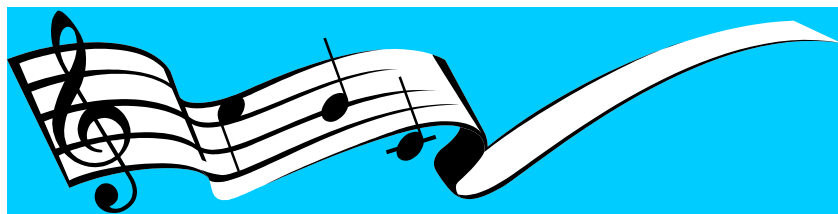
Вернувшись в наркомат, Ворошилов затребовал последние политические сводки. Из них ему стало известно о следующем.

В ночь на 30 сентября 1938 года в Мюнхене Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье, главы четырех европейских государств - Германии, Италии, Англии и Франции, - подписали соглашение. Чехословакия должна немедленно передать Германии Судетскую область и пограничные с ней районы, где проживают немцы, а также удовлетворить территориальные претензии Польши и Венгрии. Чехословакия лишалась пятой части своей территории, более четверти населения, половины тяжелой промышленности и мощных оборонительных сооружений на западе. Новая граница Германии пройдет рядом с пригородами Праги, столицы Чехословакии.

И как только Ворошилов кончил читать донесения, ему позвонили из Кремля и попросили срочно приехать на заседание Политбюро.

Екатерина Давидовна оказалась права.

(продолжение предполагается)

КОЗЁЛ НА САКСЕ

Алексей КОЗЛОВ

(главы из новой книги)

"Но все это относится к рациональной стороне науки об импровизации. Существует еще и мистическая сторона. В мировой практике встречаются солисты, обладающие даром гипноза и овладевающие аудиторией по своим собственным законам, заставляя себя слушать и восхищаться их игрой. Я уверен, что такие музыканты, как Никколо Паганини, Джимми Хендрикс или Майлз Дэвис были настоящими экстрасенсами. В принципе, любой солист должен быть в какой-то степени гипнотизером, если не шаманом."

"В джазовой традиции схема пьесы довольно проста. Сперва излагается тема, а затем солисты играют по очереди свои импровизации, используя одну и ту же последовательность аккордов, соответствующую теме. С появлением новых видов джаза - модального, джаз-рока или фьюжн - возникли другие подходы к построению формы. Солисты стали играть импровизации по гармоническим схемам, отличающимся от основной темы, разные солисты стали применять разные схемы в рамках одной пьесы, между солистами стали делаться оркестровые вставки, являющиеся побочными, то есть новыми темами. Таким образом форма произведений в новом джазе значительно усложнилась, приблизившись в некотором смысле к симфонической музыке."

**** * ****

А пока я был начинающим саксофонистом, студентом архитектурного института, и меня ждала поездка на целину, в Казахстан.

ЦЕЛИНА

Летом 1958 года всех студентов второго курса нашего ВУЗа отправили в обязательном порядке на целину. Отлынивание было равносильно отчислению из института. Не поехали лишь те, у кого были на то веские основания, подкрепленные справками, или "блатные", то есть дети каких-нибудь особых родителей. Так я стал одним из первых целинников, проведя около четырех месяцев в Павловском зерносовхозе, занимавшем площадь чуть ли не трех Бельгий. Все происходило так, как можно увидеть сейчас в кадрах кинохроники. Толпы комсомольцев-добровольцев на вокзале, счастливые лица, песни, музыка, энтузиазм, неподдельная вера в светлое будущее, вагоны-теплушки. Вместе со студентами в поезде отправлялись и настоящие целинники, то есть те, кто собирался остаться там на всю жизнь. Мне, городскому пижону, это было непонятно, но на короткий срок я решил поехать со всеми и даже не пытался "сачкануть" при помощи какой-нибудь справки, тем более, что я брал с собой свой новый саксофон, чтобы заниматься.

Пребывание на целине дало мне многое. Я увидел там истинный трудовой порыв тех, кто собирал гигантский урожай зерна — трактористов, комбайнеров, шоферов. Я видел этот урожай, лежавший в виде бесконечных буртов зерна на земле. Мы пытались спасти это бурты, перелопачивая их с места на место,

чтобы они не сгорели под собственным весом. Мы поняли, покидая целину в октябре месяце, когда там уже началась зима, что весь этот урожай, о котором зерносовхоз, очевидно, уже отрапортовал стране, полностью пропадет, так как хранить его пока негде. Именно на целине я еще раз получил веские подтверждения моей неприязни к советской пропаганде, ко всей этой лживой помпезности. А изумляться тогда было отчего. Ведь мы своими глазами видели масштабы этих потерь, потерь человеческого труда, энтузиазма, веры, зерна. Помимо работы с зерном, мы пытались поначалу что-то строить там, какое-то зернохранилище, коровник. Все это было брошено недостроенным и пропало. Даже у самых инфантильных и равнодушных ребят пребывание на целине оставило чувство какой-то нелепости.

А если говорить о положительных последствиях этой поездки, то все трудности, с которыми нам пришлось там столкнуться, дали богатейший жизненный опыт, неоценимый для жителя города. Само ощущение оторванности от цивилизации, нахождение в черноземной пустыне без деревьев или кустиков на сотни километров вокруг сильно обогатило гамму доступных нам переживаний. Сперва непереносимая жара, позднее - морозы, подкрепляемые постоянно дующим в одном направлении и с одной силой ветром. Непрекращавшийся свист ветра навевал непреодолимое чувство тревоги, от которого

невозможно было избавиться волевым усилием, когда ты разумом прекрасно понимал, что оснований для тревоги нет никаких. Постоянное ощущение голода, счастье от банки сгущенки, завезенной в местную лавку, отсутствие кроватей и даже матрасов, спальне на земле под общим одеялом, вынужденное безделье, сменяющееся авралом, проявление истинных человеческих качеств тех, кто был рядом...

Саксофон был для меня просто спасением в этих условиях. С наступлением темноты, а она в тех местах просто абсолютная, делать в мазанке без света было нечего. Тогда я уходил и начинал заниматься. Мест для занятий у меня было два. Одно, поблизости от нашего домика, представляло собой пустую брошенную цистерну, неизвестно как попавшую сюда. С большим трудом и не без помощи кого-нибудь из друзей я забирался внутрь, садился там на ящик и начинал играть. При этом я испытывал колоссальное удовольствие от своего звука, который приобретал идеальные свойства в цистерне, благодаря отражению от массы металла. Это был небольшой самообман, но он стимулировал мой энтузиазм. Я мог, если позволяло время, сидеть и играть там часами. У меня был там и помощник, студент с нашего курса Женя Кулага. Узнав, что я беру на целину саксофон, он взял с собой малый барабан и тарелку, чтобы аккомпанировать мне. Он не был барабанщиком и даже не играл в самодеятельном институтском ансамбле, но

страстно любил музыку и хотел научиться играть. Когда я заканчивал играть свои упражнения, сидя в цистерне, он залезал ко мне со своим барабаном и тарелкой. После этого мы начинали играть джаз вдвоем. Он держал ритм, играя по тарелке, а отдельные сбивки исполнял на малом барабане. Получался небольшой концерт для всех желающих, которые располагались снаружи, вокруг цистерны и слушали. Так как других развлечений, не считая карт, шахмат или рассказывания анекдотов, там не было, то большинство "целинников" собирались и слушали нашу игру вне зависимости от степени любви к джазу.

Затем я нашел еще одно место для занятий. Это было громадное помещение недостроенного зернохранилища с высокими бетонными стенами, но без перекрытий. Оно находилось на приличном расстоянии от нашего домика. Это меня и устраивало, так как иногда необходимо было играть то, что не предназначено для постороннего уха, то есть скучные пассажи, которые, вдобавок, еще и не выигрываются, не получаются. В светлое время суток или при полной луне я удалялся к этому зернохранилищу и играл там, уединившись, стоя между бетонных стен, которые тоже здорово резонировали, значительно улучшая мой звук. На целине я настолько привык к этому своему искусственно улучшенному звучанию, что был неприятно удивлен, обнаружив уже в Москве, что далек от идеала, что на самом деле звук мой так и

остался "ватным", что фирменной жесткости в нем особенно не прибавилось. Как выяснилось гораздо позднее, на саксофонах фирмы "Weltklang" получить настоящий звук практически невозможно, поскольку они сделаны из очень плохого металла. Недаром саксофоны этой фирмы получили среди профессионалов прозвище "тазики". Поэтому, поиграв на своем "тазике" года два, я сдал его обратно в профком, вернее, передал одному из участников самодеятельного оркестра, а сам вернулся обратно на альт-саксофон, купив себе на "бирже" довоенную развалину, но профессиональной модели.

Нас задержали на целине до глубокой осени. В Москве шли дожди, а там уже наступила настоящая зима, выпал снег, ночами были сильные морозы. Поскольку никто из нас не взял с собой теплой одежды, думая, что нас вернут обратно к началу учебного года, возникли проблемы. На месте нам выдали ватники и резиновые сапоги, но этого было недостаточно. Тогда наш институт прислал большое количество старых байковых одеял, которые предназначались для укрывания по ночам. Но мы использовали их иначе. Девочки, умевшие обращаться с ножницами и иглой с ниткой, скроили нам из одеял нечто, напоминавшее мексиканские пончо, накидки с дыркой для головы. Кроме того, мы смастерили себе теплые головные уборы из обрезков одеял, очень смахивавшие на шапочки для

заклученных. В таком виде мы и ходили по бескрайней заснеженной пустыне, иногда не зная, чем себя занять. Одному из студентов бабушка умудрилась прислать из Москвы посылкой ватное одеяло невообразимых размеров. Под ним умещалось несколько человек, в том числе и я. Спали одетыми во все, что было. Утром вылезать из-под одеяла было мужественным поступком. Снаружи стояла бочка с водой, которая за ночь покрывалась коркой льда, так что первый, кто вставал, пробивал маленькую прорубь, чтобы умыться и почистить зубы. Если работы в этот день не было, то некоторые из нас так и не вставали подолгу, продолжая лежать в оборудованной берлоге, не приводя себя в порядок.

Этот короткий жесткий опыт пребывания в трудных условиях дал мне очень много. Я на себе прочувствовал, каково было тем, кто воевал, кто мотал срок в ГУЛАГе. Позднее, в 60-е годы, когда я работал во ВНИИ Технической эстетики, мне пришлось общаться с представителями советской интеллигенции, отсидевшими в сталинских лагерях. Некоторые из них старались никогда не вспоминать о том, что им пришлось пережить. Но были такие, кто постоянно, при любом случае переходил к воспоминаниям о ГУЛАГе. Я помню человека по фамилии Тойтельбаум, который был до войны одним из руководителей крупнейших строек металлургической промышленности, типа Магнитки, и попал под репрессии как враг

народа, просидев шестнадцать лет. То, что он рассказывал мне о происходившем в этом аду, не укладывается в сознании человека, никогда не переносившего хоть что-либо подобное. Одна из простых истин, которую я узнал из таких рассказов, сводилась к тому, что в условиях барачных, холода и голода, не говоря об издевательствах и пытках, там, где люди умирали как мухи, выживали те, кто не прекращал чистить зубы каждое утро, несмотря на кажущуюся бессмысленность такого занятия. И еще выживали те, кто работал в похоронных командах. Вспоминая свой короткий опыт жизни на целине, я смог, как мне кажется, оценить ту пропасть, которая разделяет жизненный опыт обычных людей, живущих на свободе, и тех, кто побывал в зоне, особенно в сталинские времена. На блатном языке эту разницу очень просто выразить двумя противоположными понятиями - "зэки" и "фраера". Зэк по сравнению с фраером - это человек, обладающий дополнительным жизненным опытом, особой приспособляемостью, позволяющей выживать и существовать в сложных условиях. По сравнению с ним фраер - это изнеженное и не всегда приспособленное к жизни существо, вызывающее, в лучшем случае, сожаление.

Странно, но люди, долгое время прожившие в зоне, попадая на волю, в мир фраеров, не могут вписаться в их ритм и правила жизни и интуитивно стремятся обратно. Таков

парадоксальный опыт. Я не зря коснулся этой темы, поскольку события послеперестроечных лет навели меня на некоторые сопоставления.

Когда в конце 80-х у меня, как и у всех советских людей, появилась возможность беспрепятственного выезда за границу и более трезвого сравнения жизни нашего общества и западного, мне пришло в голову, что мы, советские люди, прожившие всю жизнь в условиях дефицита еды и товаров, отсутствия информации, свободы слова и передвижения, свободы вероисповедания и многого другого, и жившие, как нам казалось, неплохо, то есть прожившие жизнь не зря, - мы уподобились экам. Для нас население стран с западной демократией, с экономической и политической свободой и прочими радостями - это настоящие фраера. Я понял, насколько легче во многих отношениях жилось всегда гражданам тех же Соединенных Штатов Америки по сравнению с советскими людьми. Бывая в Америке и приглядываясь к людям, которых встречал там, к нормальным, честным и трудолюбивым гражданам, доброжелательным, верующим и слегка ограниченным в смысле круга интересов, я мысленно спрашивал себя, а смогли бы они достичь своего благополучия, живя в наших условиях где-нибудь в 60-е или 70-е годы (не говоря про конец 30-х), где ничего нельзя, где лучше ничего не делать и ничего не иметь? Бывая на Западе, я нередко ощущал себя

типичным зэком по сравнению с местными фраерами. И еще я почувствовал, что мне из родной "зоны" никуда не хочется, здесь мне все известно и привычно. Аналогично, я прекрасно понимаю всех этих стариков и старух, выходящих с плакатами Ленина и Сталина на демонстрации, требуя возврата старого режима. Эти люди слишком долго прожили в зоне. Новый строй, другие, фраерские законы им не нужны. В новом мире надо отвечать за себя самому, надо зарабатывать на хлеб своим трудом, а не надеяться на гарантированную пайку. И еще не надо забывать, что в зоне есть не только зэки. Там приспособилась жить громадная армия тех, кто этих зэков охраняет, кто властвует над ними, в чьих руках находятся их судьбы. Это ВОХРа во всех ее проявлениях, категория людей, развращенная сталинскими правилами столкновения уголовников с политическими, беспредельной властью. С крушением режима эта армия работников ГУЛАГа потеряла былую власть, которая несравнима ни с каким материальным благополучием. Да его у них и не было, они и сами жили ненамного лучше зэков. Но зато при шаге влево или шаге вправо могли безнаказанно стрелять.

Сюда же я отношу еще одну армию граждан, прилепившихся к мелкой партийно-бюрократической власти, дававшей какие-то привилегии в виде пайков, загранпоездов, разных талонов и купонов и такой же мелкой власти над другими. В отличие от узкой

верхушки, сохранившей и начальственный статус и материальные блага, эти потеряли все. Поэтому вместе со своими зэками они тоже хотели бы вновь оказаться в зоне, то есть в нашем социалистическом прошлом. Если масса желающих этого окажется достаточной, чтобы, играя по новым демократическим правилам, обнаружить свои преобладающие предпочтения, то я не исключаю, что Россия вернется к привычной прежней формации, но на этот раз уже не надолго, в форме фарса.

(...)

Целина дала мне очень много и по части уважения к физическому труду. Из-за нелепости организации нашей трудовой деятельности там, — а нас постоянно кидали с одной работы на другую, — мне пришлось ознакомиться с несколькими профессиями. Мы сами делали саман - сырой кирпич из местной глины, смешанной со всяким мусором. Мы научились класть из него стены для коровника. Освоили примитивные плотницкие приемы при постройке того же коровника. Однажды нас попросили помочь местным пастухам обработать огромное стадо коров и быков. Каждой скотине надо было сделать какую-то прививку и поставить клеймо. Стадо загнали в коровник и выгоняли животных по одному через специальный пропускник типа маленькой клетки, где деваться было некуда.

Мы зашли в коровник вместе со стадом и должны были подтаскивать животных к выходу. Коровы, с которыми проделывали эту болезненную процедуру, естественно, издавали тревожные вопли, так что в стаде началась паника, и чтобы подтащить следующее животное к выходу, надо было гоняться за ним по коровнику вдвоем или втроем, пытаясь ухватиться за рога и за хвост. Только так скотина поддавалась. Сперва я даже пожалел, что ввязался в эту авантюру, поскольку стадо состояло не только из коров и телок. Там были и быки разного возраста. В других условиях, где-нибудь в деревне, я обычно обходил этих животных стороной - как бы не пырнуло рогом. А здесь мы сами начали набрасываться на бедных животных, хватать за рога, крутить хвосты и тащить к выходу. Довольно скоро стало ясно, что в условиях паники даже у быков пропала агрессивность, остался только страх. А иначе бы нас там моментально изуродовали. Когда коровник опустел, мы почувствовали колоссальную гордость. Мне было приятно, что я, откровенный московский интеллигент, смог проделать эту непростую работу.

Если уж вспоминать студенческие годы, проведенные в двух московских вузах, МИСИ и Архитектурном, то за время ежегодных летних "практик", входивших в учебное расписание, мне пришлось поработать и грузчиком на силикатном заводе, и сварщиком, и

кровельщиком, и каменщиком, и прорабом на строительстве нового корпуса газеты "Правда" у Савеловского вокзала. Для меня это было действительно практикой, но не только в прямом смысле освоения разных профессий. Гораздо важнее были психологические последствия этих летних хождений в совершенно другую жизнь, в жизнь тех людей, которые являлись моими классовыми антиподами, с которыми приходилось сталкиваться лишь в транспорте и на улице, которые казались агрессивно-недоброжелательными к пижонам и интеллигентам вроде меня. Работая вместе с простыми трудягами, не имевшими ни малейшего понятия о культурных ценностях людей моего круга, я научился не злиться на них, я постарался не презирать малообразованных людей. А ведь такое отчуждение и составляет основу классового антагонизма. Я не могу утверждать, что полностью избавился от этих неприятных переживаний. И по сей день, когда я сталкиваюсь с агрессивным жлобом, внутри поднимается классовая гордость интеллигента, но ее можно подавить сознательно и выйти из неприятной ситуации массой способов, и чаще всего - на юморе.

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

ША

Вздымаются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

- При Сергей Сергеиче порядок был, - сказал Бенедикт.

- А то! - отозвался тесть.

- Больше трех не собирались.

- Ни в коем случае.

- А сейчас все умные стали, книги читают, распустились. Федор Кузьмич всех распустил, слава ему.

- Золотые слова! - обрадовался тесть.

- Сергей Сергеич заборы отстроил, а сейчас что?

- Верно!

- Всюду дырья, плетень повален, народная тропа укропом поросла!

- И не говори!

- Самая пустая трава, ни вкусу от нее, ни запаху!

- Ни самомалейшего.

- На пушкина исподнее вешают, наволочки, а пушкин - наше всё!

- Всё до нитки.

- Это ж он стихи написал, а вовсе не Федор Кузьмич!

- Ни в коем разе.

- Он выше александрийского столпа!

- И-и, мил человек, куда до него столпу!

- А Федор Кузьмич, слава ему, мне по колено ростом будет! А туда же, - Набольший Мурза, долгих лет ему жизни! Оленьке на коленки садится, как у себя дома!

- Ну, ну!..

- А что "ну"?..

- Думай дальше!

- Чего думать?

- Что тебе сердце подсказывает?..

Ничего сердце Бенедикту не подсказывало, темно было в сердце, как в избе зимой, когда свечи все вышли, наощупь живешь; была где-то свечка запасная, да поди найди ее в кромешном мраке!

Шаришь, шаришь руками, а руки-то, - они слепые, пугливые: найдешь невесть чего, обтрогаешь, не видючи, душа-то и обомрет: что это?! А?! Отроду такого в избе не водилось! Что это?!

Со страху все внутри вдруг как оборвется! Отбросишь это, чего общупывал-то... Стоишь, замерев, вздохнуть боишься... Боишься шагнуть... Думаешь: сейчас ступлю, да и попаду ногой на ЭТО...

Осторо-ожно... бо-о-оком... по кра-а-аешку... по сте-еночке... туп, туп, - и выберешься к двери. Рванешь дверь, - и бежать без оглядки!

...Рухнешь под деревом, али у забора; все внутри колотится. Теперь надо побираться, огня искать, свечку, может, у кого выпрашивать. Вот, если дадут свечку-то, - уже легче, не так страшно; вернешься в избу, смотришь, чего это было такое, - а ничего вроде и нет.

Нету ничего.

А это, бывает, соседи шутят, забавники: пока тебя нет, подложат тебе не знам чего, чтоб ты со страху разумом повредился; а пока ты туда-сюда

бегаешь, огня добываешь, они это-то, чего подсунули, и заберут, вот и нету ничего, и не узнаешь, что это было-то.

Сердце ничего не подсказывало, а голова - да, голова подсказывала, - на то в ней и разум, в голове, - а подсказывала она, что давно еще, еще до свадьбы - йэх! когда это было-то! - когда был еще Бенедикт юношей диким, некультурным, необразованным был молокососом, с хвостом и без понятий, - видел он у Варвары Лукинишны книгу. Теперь уж и не вспомнить, какая то была книга, большая или малая, и как называлась: от страху, с непривычки ничего он тогда не понял, а только и понял, что страшно.

Теперь-то, конечно, как человек образованный, тонкий, — можно сказать, искушенный, — он бы оценил сокровище: общупал бы, обвертел, посчитал, сколько страниц и каковы буковки: мелкие али крупные;

и надолго ли хватит читать; и, прочитавши, на которую полку, целуя, ее ставить.

Теперь-то, трепетный, умудренный, он уж знал, что книга, - нежная подруга, белая птица, маков цвет, - боится воды.

Милая! Воды боится, огня боится, от ветра трепещет; корявые, грубые пальцы человеческие оставляют на ней синяки, и не пройдут они! Так и останутся!

А есть которые рук не помывши!..

А есть которые чернилом подчеркивают!..

А есть которые страницы вырывают!..

И сам он прежде был так дик и нелеп, такой кроманьон, что слюнявым пальцем протер дырку! - ..."и свеча, при которой она читала полную тревог и обмана жизнь..." - протер, болван, дырку, Господи! прости! - как если бы, чудом каким разыскав в лесу тайную поляну, - всю в алых тульпанах, золотых деревьях, - обнял наконец сладчайшую Птицу Паулин, и, обнимая, тыкнул бы ей грязным пальцем в светлый, в саму себя влюбленный глаз!..

Варвара Лукинишна говорила, что книгу дал ей Никита Иваныч, - а вот и попался, старик, на вранье! Есть, есть у тебя книги, у старого пьяницы, где-то ты их прячешь, хоронишь, людям добрым не даешь... В избе их нету, Бенедикт ту избу знал, сиживал... В сарае нету, в сарае мы пушкина резали... В чулане - одна ржавь... В баньке?..

Бенедикт подумал про баньку и осерчал, сам почувствовал, как личико вздулось от гневливости: в баньке сыро, любая книга отсыреет. Вот ведь: приходил, просил, меняться предлагал, подарок ценнейший принес, - не пожалел; сидел с ними, с Прежними, полдня, чепуху их слушал, - так нет, ввали, притворялись, за нос водили, рыло от него воротили, руками отрицание делали: нету, мол, у нас книг! нету!.. не взыщи!..

А вонючую скотину, перерожденца, за стол усадили: "да Терентий Петрович, да как вы считаете, да не угодно ли ржави..." Напоили-накормили, потом чтой-то осерчали, выкинули его на снег, как мешок... поделом, конечно, вору и мука.

Да ведь и с Бенедиктом они так же: посмеялись да и выставили несолоно хлебавши...

А еще старик-то говорил: на небе и в грудях, говорит, одно и то же, и ты это запомни. А на небе-то что? - на небе мрак да метель, да вихри мятежные; а в летнее время - звезды: Корыто, да Миска, да Хвощи, да Ноготки, да Пупок, да сколько их еще! А все они, говорил, в книгу записаны, а книга та за семью воротами, а в той книге сказано, как жить, а только страницы все перепутаны... И буквы не наши... А ищи, говорит, - пушкин искал, и ты ищи...

Да уж я ищу, уж сколько народу перетряхнули: Феофилакт, Малюта, Зюзя, Ненила-заика, Мафусаил с Чурилой, - близнецы-братья; Осип,

Револют, Евлалия... Авенир, Маккавей, Зоя Гурьевна... Януарий, Язва, Сысой, Иван Елдырин... Всех крюком зацепили, по полу протащили, все за столы, за тубареты цеплялись, все истошно вопили, когда на лечение-то их забирали... Не-е-ет! - дескать, - не на-а-ада-а-а!..

А как же не надо-то, - ведь сказано: книг дома не держать, а кто держит, - не прятать, а кто прячет, - лечить.

Потому что распустились при Федоре Кузьмиче, слава ему. А кто ж главную книгу зажал и держит, - главную-то, где сказано, как жить?.. Вот у Клоп Ефимыча были же книги с ненашими буквами, - на виду, две дюжины сухих и чистых, не там ли алмазная запись?.. Да нет, - говорит: за семью воротами, в долине туманной... Значит, думай, Бенедикт...

Пойти Тетерю запрячь. А чтоб не разорялся попусту, лишних слов не говорил, помалкивал в тряпочку, изготовил ему Бенедикт и тряпочку, а иначе сказать, кляп; а ветошь свернешь руликом, веревочку проденешь, да рот-то болтуну и заткнешь: меж зубов тряпочка, завязки за уши продеть. И - с Богом, галопом, но без песен!

- Ты куды это, Бенедикт, на ночь глядя?

- Да тут... надо мне... об искусстве поговорить...

Пускай глядит с порога

Красотка, увядая, -

Та добрая, та - злая,

Та злая, та - святая;

Что - прелесть ее ручек!

Что - жар ее перин! -

Давай, брат, отрешимся,

Давай, брат, воспарим!

А погоды нехорошие: муть в воздухе и тревога, и метели гнилые, будто с водою, а снег уж не искрится, как бывало, а как бы липнет. А на углах, на перекрестках, на площадях народ кучками, - больше трех зараз, - собирается, то в небо смотрит, то переговаривается, то просто стоит тревожно.

Отчего беспокой в народе?.. Вот прошли мимо двое - на личиках забота, взгляд бегаёт. Вот другие пробежали, руками машут. А вон те - каким-то разговором обменялись, да в дом, да ворота запирают. Бенедикт привстал в санях, высматривал знакомых: промелькнул, как колесо, Полторак, да и нет его: он на трех ногах, его разве догонишь.

Вон бабу под локти ведут: сама идти не может, рукой себя в грудь бьет, вскрикивает: "Ахти мне! Да ахти мне!.." да все оседает. Что такое...

- Константин Леонтьич!!! - крикнул Бенедикт. - Стой, Константин Леонтьич!.. О чем волнение?

Константин Леонтьич, расстроенный, без шапки, зипун не на ту пуговицу застегнут, не своим голосом:

- Только что объявили: год високосный!

- Как, опять?..

- Да-да! Мы все так расстроены... Нас пораньше отпустили.

- Отчего же это? - взволновался и Бенедикт. - Причина какая, не сказали?

- Ничего пока не знаем... Спешу, голубчик, простите великодушно... Жена еще ничего не подозревает. У нас скотина не убрана, слуховое окно забить надо, что говорить...

Торопливо пожал Бенедикту руку холодными двумя. Побежал дальше.

Вон оно что... Високосный год: жди несчастий! Волосатые звезды, недород, худой скот... Злаки в полях вырастут тощие, - это если засуха; а коли, наоборот, наводнения, бури, - попрут хвощи в рост, словно бы их водой раздует, вырастут выше деревьев, корнями взроют глины, на которых городок наш стоит: пойдут оползни, новые овраги... Леса обсыплет ложными огнецами; только зазеваешься, - ан, и чеченец нападет, а то и мамай какой! А если лето выпадет холодное, бурное, с ветрами, так, чего доброго, и гарпии проснутся! Не приведи Господь!

А отчего одни года случаются високосные, а другие - простые, обычные? Неведомо! А что делать? Ничего не поделаешь, терпеть!

А только в народе всегда волнение поднимается, злоба, неудовольствие, а почему? а потому что нет, чтобы год-то этот плохой как-нибудь покороче сделать, так наоборот: нарочно издеваются, делают его длиннее. Вставляют лишний день: вот, дескать, вам! на-ко! А ведь

лишний день - это и работа лишняя, и налоги лишние, и всякая людская тягота, - хоть плачь! А вставляют его, день-то этот, в феврале, и стих есть такой:

Февраль!.. Достать чернил и плакать!

- ну, это про писцов, но и другие работники плачут, - повара, дроворубы, а уж кто на дорожные работы призван, о тех и говорить не приходится!

Но есть и такие, которые говорят: оно конечно так, работа лишняя, это да, но ведь и жизни прибавляется, верно? Лишний день на белом свете проживешь, лишний блин съешь, али там пирожок! Разве плохо? Так бы, глядишь, помирать надо, - ан нет, еще восход встретишь, солнышко, а вечером сплясать да выпить! Только вот лучше прибавляли бы этот день не зимой, когда жить тошнехонько, а летом, в хорошую погоду.

Сейчас, прям! Жди! В хорошую! Кабы они хотели облегчение народу сделать, они бы день-то этот прибавляли не в високосный год, а в простые, да не день, а два, ну три, а то и неделю, да объявляли бы выходной!

...Меж тем доехали до избы, где Варвара Лукинишна жила.

- Стой тут.

Тетеря помычал под кляпом, глазами поворачивал.

- Я сказал: стой и молчи.

Нет, опять мычит, валенком показывает.

- Ну что тебе? Что?

Валенок снял, руку выпростал, кляп отвязал, цыкнул плевком:

-...говорю: знаю это место.

- Ну и что? Я тоже знаю.

- Ты знаешь, как хером груши околачивать, а я знаю, что тут бензоколонка была.

- Мало ли где чего было.

- А где бензоколонка, там горючее. Под землей. Спичку бросить, бздык! - и летим.

Бенедикт подумал.

- Зачем?

- Не зачем, а куда. К такой-то матери.

Бенедикт открыл рот, чтобы напомнить: "закрой пасть, твое место в узде", но знал ответ и не стал нарываться на обидные грубости; у него уже и мозоль на ноге выросла от пинков, а скотине хоть бы что, пинай его - не пинай, он привыкши; так что говорить он не стал, подержал рот открытым и снова закрыл, как было.

- Бензин, говорю. Тут его хоть жопой ешь... Бензин, бензин, ферштейн? - вода такая, но - горит. - Тетеря засмеялся. - Гори, гори ясно, чтобы не погасло! Птички летят, колокольчики звенят... Цыгарку-то оставь мне, пока ты там того-этого.

- Еще чего!

- Ну и хрен с тобой. Фашист.

Хуже собаки эти перерожденцы, собаку обматеришь, - ей и ответить нечего. Гав, гав, - и весь ее ответ; стерпеть можно. Эти же говорят без

умолку, пристают к людям. Сядешь в сани, - сразу начинается: и дорога ему не такая, и переулочек паршивый, и перекресток перегорожен, и государство неправильно управляется, и мурзы не с теми рылами, и что бы он с кем сделал вот уже погоди дай ему волю, и кто виноват, и как он в древности с братаном пил, и что пили, и сколько могли выжрать, и что купил, и где отдыхал, и как рыбу удил у матери в деревне, и какой у ней двор был крепкий: свое молочко, свои яички, что еще надо; и какого кота задавил, и что всех их давить надо, чтоб знали, и с какими бабами шуточки шутил, и как одна генеральша без него жить не могла, а он ей: все, прошла любовь, не жди, не надейся, а она: нет, мое сердце разобьется, проси, что хочешь; и что почем когда стоило, а послушать, - так ничего не стоило, хватай да уноси; а еще замечания проходим, а еще бабам и девушкам срамные выкрики, а опосля всего и выходит, что нет, чтоб прямо ехать, а норовит кружным путем.

Теперь говорит: вода пинзин, - сама вода, а сама горит. Где же видано, чтоб вода горела? - никогда этого не бывало, и помыслить нельзя!

Не сходится вода с огнем, нельзя им; вот разве когда люди стоят да на пожар смотрят, - а в глазах у них, будто в воде, огонь плещет, отражается; а сами-то стоят столбом, замеревши, как околдованные, - вот тогда да; ну дак это же морок, наваждение одно! Нету в природе указания такого, чтоб вода горела. Разве что пришли Последние Дни?.. - не может того быть, и думать не хочу... А другое, что год объявлен високосный. А, должно быть, так: знамения нехорошие, и метель что-то липкая, и в воздухе как бы гудит.

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

33

В театре трубач Тартаковер сообщил Данилову, что его ждет приятный сюрприз — галстук из Канады. При этом Тартаковер рассмеялся. Данилов уловил в его смехе ожидание некоего удовольствия.

Года два назад театр был на гастролях в Монреале. Оркестранты из местной оперы подружились с москвичами, а теперь трое из них приехали в Москву туристами, захотели встретиться со старыми знакомцами, привезли сувениры. Альтисты Монреалья передали с ними каждому из членов альтовой группы театра по галстуку. Стало быть, и Данилову приехал из Канады галстук. "А где он?" — спросил Данилов. Тут не только Тартаковер рассмеялся, но рассмеялись и другие музыканты, подошедшие к Данилову. Было видно, что в разговоре с ним они лишь продолжают забаву. А может быть, ждут от него каких-либо действий.

Вышло так. Монреальские музыканты пожелали с московскими коллегами тихо посидеть в дружеской беседе. Деятельный виолончелист Туруканов взялся устроить сидение за столом, пригласил монреальцев в свои дом, пообещал большой сбор, дружбу,

музыку, закуску и прочее. Канадские друзья пришли, увидели дома у Туруканова двух скромных виолончелистов и его жену, скрипачку, были удивлены, отчасти раздосадованы. Посидев, ушли, сгрузив у Туруканова все сувениры. В том числе и галстуки для альтовой группы. "Так что же, — спросил Данилов, — к Туруканову идти?"

Тут все вокруг Данилова зашумели с возмущением. Оказывается, Туруканов и не собирался раздавать никаких галстуков. Туруканову из слов гостей якобы показалось, что все сувениры привезены именно ему и его жене, скрипачке. Кое-какие сувениры, в их числе — альбомы с видами провинции Квебек и баночки с канифолью, — он отдал двум своим друзьям, виолончелистам, представлявшим на встрече с канадцами оркестр. Те рассчитывали на большее, обиделись на Туруканова, а еще серьезнее на его жадную жену, и рассказали обо всем в оркестре.

Минутами раньше Данилов не хотел идти к Туруканову, а теперь почувствовал, что пойдет.

Туруканов сидел сейчас в маленькой комнате, принимал профсоюзные взносы.

"Я к вам, Григорий Евгеньевич", — сказал Данилов.

"Володенька, — сказал Туруканов, — у вас же за этот месяц заплачено..." "Разве? — удивился Данилов. — Но я к вам, Григорий Евгеньевич, по иной причине... Говорят, вы галстуки раздаете..." "Какие галстуки,

помилуйте, Володенька?" — строго сказал Туруканов. "Канадские". "Какие канадские? — пожал плечами Туруканов. — Что за шутники послали вас ко мне?" — Но было видно, что он смущен. "Мне неудобно говорить вам об этом, выходит, что я вымогаю у вас какой-то галстук, — сказал Данилов, — но и мне неловко: я встретил вчера альтиста Вернье из Монреаля, и он, между прочим, спросил, как мне понравился переданный вами галстук..." — Насчет встречи с альтистом Вернье Данилов от волнения приврал, но у Туруканова слова об этой встрече не вызвали сомнений. "Но, Володенька, — сказал Туруканов тихо, пряча глаза, — зачем вам галстук, вы ведь носите бабочки?" "Да, бабочки, — подтвердил Данилов. — Но я и костюмы надеваю. Однако разве тут в галстук дело?" Туруканов молчал, бумаги оставил. "Нам надо спешить, — сказал Данилов, — давайте я возьму галстук и пойду..." "Нет здесь никаких галстуков! — чуть ли не плача произнес Туруканов. — Я не захватил... Может быть, ваш, Володенька, дома найдется..." "А это что у вас из пакета торчит?" — спросил Данилов, ощущая в себе бестактную напористость. "Где? Из какого пакета? Ах, из этого?" Из пакета, устроенного на стуле, ничего не торчало, но на красивой бумаге с цветочками имелись английские слова, возможно, сообщавшие название галстучной фирмы. Туруканов стал объяснять Данилову, что это так, мелочи, их лично ему подарили канадские друзья, а он, от себя, намерен сделать приятное

хорошим людям. "Кому?" — решительно сказал Данилов, будто пистолет в руке держал. Туруканов ответил. Имелись в виду один из дирижеров, концертмейстер, влиятельный общественник, — словом, все полезные люди. Данилов сказал: "Не только ведь я галстук жду, но и вся альтовая группа". "Да что вы, Володя, — рассердился Туруканов. — Я, конечно, посмотрю дома, не оставили ли вам канадцы галстук, но уж от этих бредней об альтовой группе вы меня увольте... Да и что это за артисты, которые только о тряпках и думают... Вам я и вправду посмотрю..." Туруканов, видно, решил отделаться от бестактного альтиста, к тому же редактора стенной газеты "Камертон". Он открыл пакет и, покопавшись в нем, со вздохом потянул синий в белый горошек галстук, но галстук сразу не кончился, а оказался длинным, таким, будто бы имел продолжение в квартире Турукановых на Сивцевом Бражке. Он как бы разросся, стал шириной в полметра и пошел пятнами, словно был сшит из цветных лоскутов. Отчетливо проглядывались на полотне галстука как бы вдавленные в него носовые платки, фотографии с видами провинции Квебек и реки Святого Лаврентия, пластинки и магнитофонные ленты, лезвия бритв, носки, дважды дамские колготы, одни в листочках, другие в черных сердцах. Туруканов потел, говорил в отчаянии: "Что же это? Откуда это?", пыхтел, однако вытягивал и вытягивал галстук, остановиться не мог. Лишь

когда галстук занял чуть ли не полкомнаты, из пакета объявился его конец.

"Фу-ты! — расстроился Данилов. — Опять я сгоряча перестарался..." Туруканов же в испуге и растерянности ходил вдоль возникшего из пакета галстука, все желал дотронуться до странной и, возможно, бесполезной вещи, но и руку то и дело отдергивал от галстука, боясь обжечься. "Как же это? Откуда это?" — повторял он и с неким опасением взглядывал на Данилова.

Позвонил телефон. Туруканов не сразу поднял трубку, будто и из трубки могло что-то выползти или выстрелить. Данилов тут же, хотя и стоял от телефона метрах в трех, услышал крик жены Туруканова. "Все улетело! — кричала она. — Улетело все!" "Что улетело?" — спрашивал Туруканов. "Все! Все! Все! Галстуки, пластинки, колготы, все!" "Куда улетело?" "Откуда я знаю, куда улетело! Куда-то! Сквозь стены! От нас!" "Успокойся, — говорил Туруканов, — вызови врача!" "Ты думаешь, врач все вернет?!" Повесив трубку, Туруканов опять в испуге посмотрел на Данилова и пробормотал: "Как же это? Ведь этого не может быть! А? Как же это?" Данилов пожал плечами и вышел из комнаты. "Неужели взносы у меня действительно уплачены?" — опять удивился Данилов. Коллеги обступили его. "Есть у Туруканова один большой галстук, — сказал Данилов, — а обычных, выходит, что и нет..."

После репетиции альтист Чехонин спросил Данилова, отчего он не едет домой.

— Мне "Свадьбу" играть, — сказал Данилов.

— Да ты что? — удивился Чехонин. — Ты сегодня свободный. Я играю.

Данилов побежал к инспектору оркестра, выяснил, что две недели назад плохо изучил расписание. С ним и прежде случалось такое. Однажды за неявку на утренний "Золотой петушок" он получил выговор и не смог поехать на гастроли в Монголию. Теперь бы Данилову пуститься в Останкино, насладиться домашним уютом, поспать, но он после некоторых колебаний решил послушать "Свадьбу Фигаро" из зала. И когда стал слушать, понял, что он не знал как следует этой музыки! Был же случай у них в театре. Контрабасист, игравший в оркестре лет сорок и отправившийся на пенсию, достал по знакомству билеты на "Кармен", привел в театр внука. В первом же перерыве он прибежал в яму, чуть ли не закричал: "Музыка-то какая! Увертюра-то какая! Опера-то какая! Я-то всю жизнь думал, что в ней только пум-пум, а в ней, оказывается, и та-ра-ра-ра..." — и пропел тему тореадора. В яме Данилов играл "Свадьбу Фигаро" десятки раз, а из зала слушал ее впервые. Поначалу он сидел открыв рот, потом стал петь. Текст оперы он знал наизусть. Но Данилов не только пел, а и несколько раз, забывшись, обращался со словами: "Музыка-то какая! Ансамбль-то какой!" — к старичку, сидевшему прямо перед ним, при этом чуть ли

не за плечо старичка хватался в восторге. Старичок поначалу смотрел на Данилова удивленно, потом стал сердиться, попросил Данилова помолчать, сказав, что люди на сцене поют лучше. Да и другие зрители из ложи с шиканьем оборачивались в сторону Данилова. Данилов смутился, пел он теперь про себя и оркестр поддерживал про себя, однако нет-нет, а срывался и чуть слышно звучал в ложе бенуара.

Оркестр моцартовским составом играл хорошо и без него, Данилова, да и можно ли было плохо играть эту музыку! В антрактах Данилов не ходил ни в яму, ни в буфеты, он не хотел спускаться в быт. Тихо сидел в ложе бенуара на гостевом стуле, устроенном ему капельдинером Риммой Васильевной. Весь был в Моцарте.

После третьего антракта он сконфузился. Он заснул и проспал минут пять. Лишь при звуках дивного голоса Керубино, не явившегося на военную службу, Данилов проснулся. Как он ругал себя! Но тут же себя и простил. Ну, заснул, ну что же делать-то? Ведь устает... Хоть бы отдохнуть недельки две. Покупаться бы в морских волнах.

— Молодой человек, — сказал старичок, сосед по ложе бенуара, вы своим стоном мешаете слушать...

— Извините, — сказал Данилов, — музыка больно за душу берет...

И по дороге домой Данилов пел про себя Моцарта. "Кабы я мог написать такую музыку! —

думал Данилов. — Какой же идиот я был десять дней назад, когда сыграл Переслегина и решил, что все. Кончилось! Ведь было! Было! И отвращение к музыке было! Как дурной сон! Вот тебе и Моцарт. Пусть по нынешним понятиям у Шенберга высшая математика, а у Моцарта, скажем, алгебра, так что же? Нет никакой алгебры, и нет никакой высшей математики, нет никакого восемнадцатого века, а есть вечное и великое, есть музыка".

Шенберга Данилов в душе вовсе не громил, он относился к Шенбергу с уважением, а Вторую камерную симфонию его и "Пережившего события Варшавы" почитал и держал у себя на магнитофонной пленке. Уроки двенадцатитоновой теории Шенберга чувствовал в симфонии Переслегина. И все же теперь он как бы возвышал Моцарта над Шенбергом, то ли из азарта, то ли пытаясь пересилить мнение о музыке скрипача Земского. Вот тебе традиционная музыка, а что делает! Музыка нужна, нужна, и он, музыкант Данилов, должен играть. Играть и играть! И для себя и для людей. Данилов словно бы исцелился сейчас окончательно от тяжелого недомогания. Словно бы возродился наконец для музыки! Так оно и было.

Данилов все напевал про себя в троллейбусе темы из "Свадьбы Фигаро", потом испугался: не признают ли пассажиры его тронувшимся, поглядел по сторонам. Нет, все были в своих

заботах. На всякий случай Данилов достал из кармана пальто вечернюю газету, чтобы отвлечься от музыки, просмотрел программу телевидения, объявление о спектаклях, некрологи, прочитал "Из зала суда" и "Календарь садовода", потом взглянул на первую страницу и увидел заметку "Интересное явление". В заметке описывались опыты геофизиков геологоразведочного института. Летом эти геофизики были в экспедиции на Камчатке, облазали вулкан Шивелуч. Их лаборатория интересуется теорией ядра Земли. Они привезли в Москву образцы застывшей лавы вулкана Шивелуч. И вдруг, совершенно неожиданно, при термической обработке, из куска лавы вулкана Шивелуч весом семьсот сорок граммов образовались четыре крупных изумруда и живая бабочка Махаон Маака. Руководитель лаборатории член-корреспондент Н.Г.Застылов заявил журналисту: можно предположить, хотя и с некоторыми опасениями совершить серьезную научную ошибку, что ядро Земли состоит целиком из жидкого изумруда. А возможно, что и не жидкого. Или не совсем жидкого. Во всяком случае геофизики лаборатории находятся на пороге большого открытия. Несколько затрудняет разработку новой теории явление бабочки Махаон Маака, в особенности если принять во внимание то, что размах крыльев у нее на семь сантиметров больше

общепринятого и, по странной игре природы, кроме хоботка есть зубы.

"Отчего же изумруды-то? — удивился Данилов. — И бабочка? Что же это за материя попалась мне тогда под руку?" Сегодня, решил Данилов, он займется камнями Шивелучской экспедиции. Или нет, завтра. Тут он сообразил, как расстроится Клавдия, прочитав заметку. Бедная женщина. И надо же, чтобы именно изумруды! А бабочка оказалась чуть ли не сильнее Моцарта, о ней думал Данилов, направляясь с троллейбусной остановки по улице Цандера к дому. Мелодии "Свадьбы" в нем почти умолкли. Однако тихонечко все-таки звучали.

Данилов открыл свой почтовый ящик. Газет не было. В ящике лежал листок бумаги в клеточку, сложенный вдвое, и на нем рукой Земского — Данилов эту руку знал, Земский иногда приносил заметки в "Камертон" — было написано: "Ну как, Володя, с тайной М.Ф.К.?"

"Что он ко мне пристал? — рассердился Данилов. — И тайны, небось, никакой нет".

Когда Данилов стал открывать дверь, его обожгло предчувствие недоброго. Что-то уже случилось или вот-вот должно было произойти. В квартире его был жар и чем-то воняло. Данилов бросился на кухню и там, на столе, на фарфоровом блюде, взятом кем-то из серванта, увидел лаковую повестку с багровыми знаками. Остановившись на секунду, Данилов все же решился шагнуть к столу и прочел пылающие

слова: "Время "Ч". Сегодня ночью. Без пятнадцати час. Остановка троллейбуса "Банный переулок". Дом номер шестьдесят семь".

"Ну вот и все", — подумал Данилов и сел на табуретку. Лаковая повестка тут же исчезла, надобности в ней уже не было. "Ну вот и все", — повторил про себя Данилов.

Времени у него оставалось мало. Полтора часа. Минут двадцать пять из них следовало уделить троллейбусу. А то и больше. Троллейбусы в эту пору ходят редко, минут пятнадцать придется ждать.

Переодеваться Данилов не стал, в театр он всегда являлся в приличном виде. Данилов просмотрел свои земные распоряжения и письма, приготовленные накануне дуэли с Кармадоном, остался ими доволен. Никого он, кажется, не обидел. Ни тех, кому был должен. Ни тех, кто и ему был в чем-то обязан. Ни Клавдию. Может быть, она еще вспомнит о нем с теплыми чувствами. Впрочем, ему-то что.

Вот Наташа... Пожалуй, хорошо, подумал Данилов, что она решила сегодня заняться шитьем дома. Но позвонить ей, наверное, следовало. Данилов никак не мог поднять трубку. Подходил к телефону и отходил от него. Данилова останавливало не только волнение, не только боязнь причинить боль Наташе. Он боялся, как бы его звонок не стал для Наташи опасным. Впрочем, что добавил бы

прощальный звонок к прежним знаниям о Наташе порученца Валентина Сергеевича!

Данилов поднял трубку.

Наташа подошла к телефону не сразу, наверное от швейной машинки, и, возможно, дело с маркизетовой блузкой, срочно заказанной ей инженершей с "Калибра", приятельницей Муравлевой (Данилов видел начало Наташиной работы), двигалось неважно. Голос у Наташи был усталый.

— Наташа, — сказал Данилов, стараясь быть твердым, однако чуть-чуть заикаясь, — наступила минута, о которой я предупреждал. Спасибо за все. И больше — ни слова.

Он повесил трубку.

Альт Данилова остался в театре, в несгораемом шкафу, Данилов подошел к фортепьяно, стал играть. Что он играл, он и сам не понимал. Руки его двигались как бы сами собой, музыка была стоном Данилова, отчаянием его и болью.

Без десяти двенадцать Данилов встал, снова просмотрел все свои бумаги, провел рукой по крышке фортепьяно, словно бы погладил его. Прикосновение его было легким, отлетающим, ничто уже не связывало Данилова со старым инструментом, инструмент потерял звук. Данилов надел пальто и шапку, проверил, не включены ли где в квартире электрические приборы, не горит ли, случаем, газ, погасил во всех помещениях свет и, не спеша заперев дверь, вызвал лифт.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, ИЛИ Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

20

В малахитовой вазе пенсионеров Уткиных Шеврикука проспал девятнадцать часов. Обычно для отдыха и здоровья, если помните, ему хватало двух часов. Ну трех. Видения явились Шеврикуке лишь на исходе восемнадцатого часа сна. Они были спокойные и малолюдные. И Шеврикука не нервничал,

обозревая повседневную останкинскую действительность. Тогда ему показалась Всемирная Свеча. Ее не было, но вдруг она стала расти. Образовалась она посреди улицы Королева и была равно удалена от Останкинской башни и Космического монумента с мыслящим Циолковским в подножии. Люди, знакомые с географией Останкина, могут предположить, что Всемирная Свеча восстала из земли как раз напротив бывшего и достопамятного пивного автомата и что ее росту способствовали пивные дрожжи. Но нет, должен огорчить их. Свеча росла все же ближе к пруду и Башне, а пивные дрожжи, даже если учесть, что Свеча явно состояла не из стеарина или воска, вряд ли что-либо значили в ее судьбе. Впрочем, Свеча произрастала во сне Шеврикуки, и он был волен поставить ее хоть бы и у пивного автомата. Однако оказалось, что не волен. Всемирная Свеча была сама по себе, а Шеврикука мог лишь свидетельствовать ее существование.

За полчаса Всемирная Свеча стала куда толще и выше Башни (о Космическом монументе и говорить нечего), проткнула облака и устремилась в выси. Облака обтекали ее, лишь редкие задерживались и терлись о нее боками. Кстати, облаков было немного. Свеча стояла, росла, но не горела. Не светила и не обогревала. Видимо, в этом не возникало нужды. Как полагал Шеврикука позже, во время наблюдения Всемирной Свечи он однажды во сне

повернулся с боку на бок и, повернувшись, обнаружил над Останкином новый предмет. Предмет не предмет, а неизвестно что. Он то и дело менял формы, а возможно, и свойства. Для облегчения мыслей Шеврикука стал называть Это Неизвестно Что - Пузырем. Тут Шеврикукой были допущены неточности и упрощения. Отчего именно Пузырем? Отчего не Пупырем? Отчего не Каплей? Отчего не Надутым Матрацем? Отчего не Плотом для речного лежебоки? Да мало ли как можно было назвать предмет. Поначалу Шеврикука беспокоило: не создает ли Это Неизвестно Что, посетившее Останкино, какие-либо неудобства Всемирной Свече? Нет, беспокойство его вышло лишним. Пузырь плавал и передвигался сам по себе, никому не навязывался, никого не обижал, ни на что не натыкался. При этом нельзя было определить, каких он размеров и где находится. С уверенностью можно было только утверждать, что размеров он, скорее всего, гигантских, а находится над Останкином. Границ он вроде бы не имел, а вроде бы имел и границы. Предмет показался Шеврикуке нежно-серым, но при изменении его внешности и объема в нем возникали и иные цвета: то перламутрово-палевый, то бледно-фиолетовый, то тихо-бурый. Иногда же в недрах Пузыря вспыхивали и переливались таинственные огни. И слышалось Шеврикуке, что в Пузыре нечто фыркало.

Ну и ладно. Пусть будет так. Всемирная Свеча и Всемирная Свеча. Пузырь и Пузырь. С тем Шеврикука и проснулся. Долго приводил себя в порядок. Ему потребовалось много воды, снадобий и разнообразных гигиенических средств. Он стал совершенно чист, сух, хорошо пах, тогда и вышел на улицу.

В Останкине не возвышалась Всемирная Свеча, а в высях не плавал Пузырь. "Что и отрадно", - отметил Шеврикука. Одна такая Всемирная Свеча сентября 1771 года Москве запомнилась надолго.

На оздоровительную прогулку в парк, выяснилось, Шеврикуке не хватило сил. Ноги никуда не желали вести. "Будто меня вчера били мешком с фасолью", - расстроился Шеврикука. Судил он обо всем вяло и бестолково. Сел на скамейку, подумал: "Что это за дурь наводили на меня на Покровке? Кто и зачем?" И задремал.

- Ба, милый вы мой, да вас, видно, разморило! - услышал Шеврикука. - Ну тогда сейчас же за мной! В порт приписки! — Сергей Андреевич Подмолотов, Крейсер Грозный, тормозил его. В сумках Крейсера Грозного звякало и булькало.

- Сколько времени? - спросил Шеврикука.
- Восемнадцать ноль семь! - сказал Крейсер Грозный. - Все давно за столом. Пришлось ходить в автономное плавание. Груз взят. Следуйте за мной!

- Нет. Не могу, - пробормотал Шеврикука.
- И не упирайтесь! - захохотал Крейсер Грозный.
- На базе ждут возвращения морских охотников.

Шеврикука встал и поплелся за Крейсером Грозным в свой же собственный подъезд. Зачем? Зачем поплелся-то? Но вот поплелся. Его шатало. Ему было все равно. Он отсутствовал на Земле. А где присутствовал? Похоже - нигде. Из него истекли желания, интересы и воля.

- Ну вот и мы! - объявил Крейсер Грозный, впуская Шеврикуку в квартиру и радуя тех, кто давно за столом, свежестью восприятия жизни. - Прибыли для дальнейшего прохождения службы. Это мой старый приятель Игорь Константинович. Тоже останкинский. А это мои боевые мужики! — И Крейсер Грозный опять захохотал.

Сил поклониться боевым мужикам у Шеврикуки не нашлось. Мужиками этими оказались японец, которого в доме на Покровке Крейсер Грозный просвещал древком Андреевского флага, бывший служитель бывшего Департамента Шмелей и соцсоревнователь Свержов и двое флотских друзей Крейсера Грозного, отстаивавших вчера (или позавчера?) право коммунальных жильцов на свое, потомственное привидение. Эти двое спали за столом, откинувшись на спинки стульев.

- Подъем! - заорал Крейсер Грозный.

Покровские флотские, не открывая глаз, лишь пошевелили пересохшими губами.

- Ну ладно, - сказал Крейсер Грозный. - Тебе, Константинович, сразу штрафной стакан для сугреву.

- Нет. Нет! Не могу! - взмолился Шеврикука. - Только чай!

- Хорошо, - согласился Крейсер Грозный. - Будет тебе чаепитие. Мы уважаем любое, пусть и противоположное мнение.

Остальным он плеснул в стаканы "Пшеничную". В последние недели в допущениях народа к питью случались просветы, и не один самогон являлся теперь на столы граждан.

- Константиныч, - сказал Крейсер Грозный, положив руку на плечо разомлевшего японца. - Вот ты не поверишь, а это мой лучший Друг. Такеути. Да. Такеути Накаяма. Давай выпьем и поцелуемся, Такеути-сан!

- Пожалуйста! - обрадовался японец.

- Гнал бы ты подальше всех этих косопузых! - сердито сказал Свержов.

- Ты не прав, - возразил Крейсер Грозный. - Вот ты сидишь за столом, а Такеути-сан бегают, — и, между прочим, марафоны. Он - марафонец. Туда-сюда. Хочешь - по ровному месту. Хочешь - по холмам. Хочешь - на Фудзияму.

- Пожалуйста! - подтвердил японец.
- Ба! Свержов! - сообразил наконец Крейсер Грозный. - Ты опять повесил свой дурацкий плакат! Уже снимали! И теперь снимем!

На груди и на животе Свержова на проволочной дуге, обходившей шею, держался фанерный транспарант со словами: "Не вписался в исторический поворот". Совсем недавно бывший соцсоревнователь Свержов открывал торговлю египетскими бульонными кубиками вблизи Малого театра. А сегодня Сергей Андреевич, Крейсер Грозный, увидел Свержова у Крестовского моста на тротуаре, с опрокинутой тубетейкой для подаяний, пристыдил его, поднял с колен и чуть ли не силой привел к себе. Свержов сначала бранился, потом плакал и позволил снять фанеру. Теперь опять водрузил ее на себя.

- Я не ради возбуждения жалости, - стоял на своем Свержов. - А как документ предупреждения. Россия кровью набрякла!

И стукнул кулаком по столу.

- Но народ не унывает, - строго сказал ему Крейсер Грозный.

- О, Фудзияма! Е...на мама! - не открывая глаз, пропел один из покровских.

- Япона мама! Япона! - поморщившись, поправил вульгаризм приятеля Крейсер

Грозный. - Вот япона. А вон там, далеко, - его мама. Эти японцы, - Крейсер Грозный обращался к Шеврикуке, - как дети малые. Как наши братья меньшие. Их обидеть ничего не стоит. Я позавчера его, Такеути, чуть не изувечил. Может, и было за что. Но все равно... Из-за чего, сан Такеути, я тебя бил?

- Привидение, - пробасил японец. - Александрин!

- Во! - загоготал Крейсер Грозный. - Мы позавчера ловили привидениев! Вон у них, у Петра и Дмитрия. На Покровке.

- Белое привидение. Нежный цветок. Александрин! - подтвердил Такеути-сан. И кивнул Шеврикуке: - Я и вас там видел, уважаемый Игорь Константинович.

- Я там... я нигде... - вяло покачал головой Шеврикука. - Я не был там... я позавчера... я был здесь...

- Константиныч, и ты там был? - удивился Крейсер Грозный.

- Нет, я...

- Я снимал, - улыбнулся японец. - У меня есть фото.

Такеути-сан достал из портфеля фотографии и вручил их Крейсеру Грозному. Ожились и покровские приятели Сергея Андреевича. Фотографии пошли по рукам, доползли и до Шеврикуки.

- Меня нет, - прошептал Шеврикука. - И не могло быть.

Его на фотографиях не было. А вот Гликерия и Невзора-Дуняша на них присутствовали. Это обстоятельство иной раз не просто бы удивило Шеврикуку, а изумило бы его. Теперь он лишь принял его к сведению. И кровь текла у Гликерии из рассеченной брови, тихо вспомнилось ему.

- Точно, нет нигде Игоря Константиновича, - заключил Крейсер Грозный. - Ты, видно, ошибся, Такеути-сан, москвичи-то они все на одно лицо. Или аппаратуру вы делаете пока слабую, малочувствительную.

- Видимо, ошибся, - расстроено согласился японский гость.

- Зато бабы выходят у вас хорошо. И что мы с тобой дрались?

- Прекрасное привидение Александрин, - вздохнул японец.

- Да что ты нюни распустил! - Крейсер Грозный приблизил бутылку "Пшеничной" к стакану Такеути-сана. - Дадим мы тебе эту Александрин! Нужна нам эта Александрин! Вон Свержов не даст соврать. У нас этих привидений пруд пруди! Экая важность! Вам надо - берите. Вам острова нужны - берите. У нас этих островов! Хотите, мы вам еще и города дадим. Как скажешь - сейчас же! У вас какие города? Хиросима, Нагасаки... Вот. Нагасаки! А мы вам в придачу дадим Семилуки, Кобеляки... Еще что? -

— Кобеляки - это теперь не наши Кобеляки. Кобеляки - это теперь Великой Малороссии

город, - не открывая глаз, произнес покровский Петр. - Или Малой Великороссии... Шут их разберет.

- У них Кобеляки, - подал голос Свержов. - Зато у нас есть Кулебаки.

- Вот! А у нас есть кулебяки! - успокоил японца Крейсер Грозный. - Еще вкусней. Особенно с судаком!

- Не кулебяки, а Кулебаки. На Оке. Рядом с Выксой и Муромом. Там железо делают.

"...На Оке под Муромом миллионщик Бушмелев владел железоделательными заводами", - вспомнилось Шеврикуке.

- Тем более! Кулебаки с железом! Это тебе не с судаком! - Крейсер Грозный чуть ли не в восторг пришел. - Давай шарахнем по стакану! А я тебе, Такеути-сан, расписку напишу. И на привидение, и на Семилуки с Кулебаками. Выдать - и немедленно! Хочешь - на два привидения. Одно возьми тощее. Хочешь еще города? Вон там валяется атлас. Подбери. А я пока пойду подогрею водку и перелью в чашку. Чтоб была, как sake.

- Не надо! Греть не надо! Пожалуйста!

- Не надо. Греть не надо, - согласился Крейсер Грозный. - Это по-нашему. Слушай, Такеути-сан, давай поцелуемся!

И Крейсер Грозный с японцем Такеути Накаямой обнялись и расцеловались. Осушили стаканы.

- Нет, Константиныч, ты понимаешь, - опять обратился Крейсер Грозный к Шеврикуке, -

позавчера мы с ним бились, как лютые враги, мне он ребра поломал, ну не ты, не ты, Такеутисан, — а давай я тебя буду звать Сан Саныч, — не ты, не ты, успокойся, кто-то другой, и этим, моим чернофлотским корешам, Петру и Дмитрию, носы своротил, ну не ты, не ты, Сан Саныч, успокойся, а сегодня мы нашли друг друга и стали, как братья. Где бумага? Где ручка? Вот бумага. Вот ручка. Пишу. Все свидетели. От имени... кого? И по поручению... кого? Не важно. На основании закона... Во! На основании закона. Выдать господину Такеути Накаяме... Накаяме... так... выдать привидение Алексан... нет, замнем для ясности, просто привидение, количеством одно, проживающее... нет, имеющее место в доме номер... забыл, глазами помню, а номер забыл, это мы вставим... на Покровке, и города Семилуки, Кулебаки и... и Армавир! Хватит пока?

- Хватит! Хватит! Пожалуйста!

- Ставлю подпись. И вы все расписывайтесь. И в получении тоже.

- Ты, Грозный, прекрати городами разбрасываться! - воинственно произнес Свержов.

- Да у нас этих городов!

- Дмитрий, - стал тормошить соседа покровский Петр, - Серега наше привидение выдает Японии.

- Не допустим, - не открывая глаз, произнес Дмитрий.

- Да не ваше привидение, дурачье! - Крейсер Грозный показал всем фотографию,

исполненную Такеути-саном, и ткнул пальцем в Невзору-Дуняшу. - Или вот это.

"Ни в коем случае!" - ощутив покушение на права и свободы Гликерии, хотел было протестовать Шеврикука, но не смог и промычать. "Так нельзя. Так нельзя. Надо стряхнуть с себя дурман. Нельзя жить таким расслабленным, будто заговоренным или заколдованным", - пытался внушить себе Шеврикука. Все в нем, и мысли тоже, было растянuto, зыбко, уплывало куда-то и не имело краев. Надо было удержать себя в своей сущности, сжать себя, восстановить очертания и защитные свойства. Ну, ну, еще, еще, через боль, через страх, ну, принуждал себя Шеврикука к самоуправлению. И отчасти преуспел. Все в комнате стало для него определеннее и очевиднее. Можно было разглядеть следы сражения на лицах японца, Крейсера Грозного, понять, что глаза покровского жителя Дмитрия не открываются по причине того, что они затекли. "И, несмотря ни на что, Такеути-сан и особенно Крейсер Грозный бодры и свежи, - думал Шеврикука, - а я..." Хозяин квартиры Сергей Андреевич, останкинский Громобой, был несомненно бодр и радовался обстоятельствам окаянной жизни, будто бы все они были достойны флагов расцвечивания.

- Ты этой Фудзияме отпиши еще своего змея, - мрачно посоветовал Свержов.

- Какого змея? - оживился японец. - Пожалуйста. У вас есть змей?

- Слушай, Свержов, - сказал Крейсер Грозный, - ты все со своей фанерой сидишь. То ты носил значки победителя соревнования, сразу три штуки, и их не снимал. Теперь не снимаешь фанеру. А ведь снимешь.

- Я говорю: змея не зажимай. Анаконду своего.

- Анаконду? - Такеути-сан не мог успокоиться. - Мы очень любим змеев. Мы запускаем змеев. У нас в легендах...

- Это потом. Когда-нибудь, - Крейсер Грозный нахмурился. - Змей занят. Из вас кто-нибудь пил с императором? А я пил. С Хайле Селассией! Ты вот, Свержов, пил с императором? Нет!

"Кто же меня дурманил? - вернулся к своему Шеврикука. - Не ставили ли надо мной опыт? И были ли на Покровке Пэрст-Капсула, Продольный с Любохвatom, зоркие сычи из Темного Угла, Бордюр? Или они мне примерещились? А может, постаралась Гликерия? Какой ей расчет? Все. Более об этом не думать. Сегодня - одно лишь восстановление и заставы на рубежах".

- Константиныч, а ты пил с императором? - загремел над ухом Крейсер Грозный.

- Нет. И сегодня, если император придет, я не буду пить с ним, - сказал Шеврикука. - Вы обещали мне чай.

- Царица Морская и папа ее Нептун! - Сергей Андреевич хватил ладонью по лбу. - Сейчас будет!

И принес через пять минут чай, с пряниками и крыжовным вареньем.

- У нас есть император. Пожалуйста, - сказал японец. - У нас в легендах змеи с крыльями. Ваш змей с крыльями?

- С крыльями! - кивнул Свержов. - У него змей с крыльями, с зубами и с яйцами, берите, не прогадаете.

- Насчет змея, Сан Саныч, успокойся, - сказал Крейсер Грозный. - Хочешь, я тебе еще достану привидениев. Они понравились иностранцам. Об этом пишут в газетах. В зарубежных тоже...

- В газетах? - поднял голову Шеврикука.

- Да! И в газетах! - шумно подтвердил Крейсер Грозный. - Сейчас найду. Вот. Заголовок на всю страницу: "Московские привидения - кровь с молоком!" Мнение иностранных специалистов: московские привидения - цветущие, румяные, упитанные... еще что?.. ага, сексапильные. И если, мол, у них такие привидения, то стоит ли завозить в Москву гуманитарные колбасные изделия и яичный порошок? Это они не подумавши. Ну что, Сан Саныч, будешь брать еще одно привидение? А то я отдам другим нуждающимся. Например, в Латинскую Америку или куда-то в Эртиль. Мне визитные карточки надавали, кого я бил. Так. Этот, с черными усами, картавил. "Сеньор Хуан Ломбардьес

Вера-Крус. Торговля каравеллами Колумба". Могу ему. А могу вот этому, который в свитере. Мультимиллионер из Эртиля. Где этот Эртиль, на каком континенте? Я ему свитер порвал. Ага. "Григорий Семенович Скотобойников. Эртиль. Воронежская область. Дом крестьянина "Опустошенный рай". Фу ты! Этот-то как попал на показ? Ему и свитер порвать мало. Неужто в Эртиле и в Воронеже не хватает привидений? Я понимаю, в Вера-Крусе или у вас, Сан Саныч, в Японии! А в Эртиле-то!

- Разрешите на газеты взглянуть, - попросил Шеврикука.

- Константиныч, сделай одолжение. Да возьми ты их домой. Я себе отобрал. С фотографиями. Которая с неба спустилась особенно там хороша.

- Более всего Александрин! - мечтательно произнес Такеути-сан.

- Александрин! - рассмеялся Крейсер Грозный. - Я бы тебе рассказал про эту Александрин! Но нет, не могу. Не могу. Коммерческая тайна. Хватай ты эту Александрин и увози. Я ее тебе велел выдать, и баста! Потом сам взвоешь... А вот эта, которая спустилась с неба...

- Порой пишут и произносят нечто лишнее, - как бы самому себе сказал Шеврикука. - Сколько у нас всяческих иллюзий...

- Это верно! Это конечно! - охотно согласился Крейсер Грозный. - Возьмем вон этого же Свержова с его фанерой.

Крейсер Грозный обращался и к Свержову, и к нему, Шеврикуке, возвышался рядом, раскаты его голоса стали удаляться и затихать в углах комнаты, Шеврикука снова впал в полудрему. Он глядел в газеты, а слова расползались. Где-то вдалеке, в Чертанове или в Бутове, а то и в Коломне Крейсер Грозный обличал Свержова, басил Такеути-сан, и опять можно было подумать, что он хоть и японец, но вырос в сибирской деревне, так верно было его произношение. Крейсер Грозный держал в руке рогатку и катышами клинкера палил в фанерный щит Свержова, напоминая, что он вырос в мешках клинкера на Михайловском цементном заводе Рязанской области и в четыре года стал кандидатом в мастера спорта по стрельбе из рогатки, теперь пригодилось, теперь и по ночам он ходит по Москве с рогаткой, засунутой под ремень у флотской пряжки, и все хулиганы с обрезам и качки расступаются, его пригласили тренировать привидения, завтра он начнет. Или сегодня. Проявленный Такеути-сан интерес к оружию бытовой самообороны Крейсера Грозного привел к тому, что Сергей Андреевич с жаром и шумом принялся одаривать любознательного гостя различными модификациями рязанско-михайловских рогаток. Тут же рогатки были внесены в список "Велено выдать" вслед за городами Нагасаки, Семилуки, Кулебаки и двумя привидениями.

- Я пойду, - отважился встать Шеврикука.

- Иди, конечно, - одобрил Крейсер Грозный. Уже направляясь к двери, Шеврикука услышал высказанное Крейсером Грозным научное убеждение, что и в их подъезде должно быть свое привидение. Шеврикука насторожился. Но речь пошла не о получердачном бомже, а о Фруктове. Сергей Андреевич напомнил гостям об очистительно-оздоровительной кампании и ее жертве - ошельмованном, запуганном чиновнике Фруктове. Нет, Фруктов пока ни к кому не приходил, но вот-вот придет. А уж если на то пошло, то в таком вместительном доме, как Землескреб, в каждом подъезде обязано проживать по привидению. А то и по два. При нашем потенциале и геополитической мощи, считал Крейсер Грозный, привидения должны были заводиться вообще во всех строениях, не обязательно исторических.

Покровский друг Дмитрий, не открывая глаз, стал возражать Крейсеру Грозному, ссылаясь на менталитет евразийской равнины. "Менталитет мы разрушим, - не унимался Крейсер Грозный, - кайлом и зубилом!"

- Я пошел... - пробормотал Шеврикука.

(продолжение предполагается)

ИЗ «ШКОЛЬНОЙ АНТОЛОГИИ»

Альберт Фролов, любитель тишины.
Мать штемпелем стучала по конвертам
на почте. Что касается отца,
он пал за независимость чухны,
успев продлить фамилию Альбертом,
но не выдав Альбертова лица.

Сын гений свой воспитывал в тиши.
Я помню эту шишку на макушке:
он сполз на зоологии под стол,
не выяснив отсутствия души
в совместно распатроненной лягушке.
Что позже обеспечило простор
полету его мыслей, каковым
он предавался вплоть до института,
где он вступил с архангелом в борьбу.
И вот, как согрешивший херувим,
он пал на землю с облака. И тут-то
он обнаружил под рукой трубу.

Звук - форма продолженья тишины,
подобье развивающейся ленты.
Солируя, он скашивал зрачки
на раструб, где мерцали, зажжены
софитами, - пока аплодисменты
их там не задували - светлячки.

Но то бывало вечером, а днем -
днем звезд не видно. Даже из колодца.
Жена ушла, не выстирав носки.
Старуха-мать заботилась о нем.
Он начал пить, впоследствии - колоться
черт знает чем. Наверное, с тоски,
с отчаянья - но дьявол разберет.
Я в этом, к сожалению, не сведущ.

Есть и другая, кажется, шкала:
когда играешь, видишь наперед
на восемь тактов - ампулы ж, как светоч,
шестнадцать озаряли... Зеркала
дворцов культуры, где его состав
играл, вбирали хмуро и учтиво
черты, экземой траченные. Но
потом, перевоспитывать устав
его за разложение коллектива,
уволители. И, выдавив: "Гавно!"
он, словно затухающее "ля",
не сделав из дальнейшего маршрута
досужих достояния очес,
как строчка, что влезает на поля,
вернее - доводя до абсолюта
идею увольнения, исчез.

Второго января, в глухую ночь,
мой теплоход ошвартовался в Сочи.
Хотелось пить. Я двинул наугад
по переулкам, уходившим прочь
от порта к центру, и в разгаре ночи
набрел на ресторацию "Каскад".
Шел Новый Год. Поддельная хвоя
свисала с пальм. Вдоль столиков кружился
грузинский сброд, поющий "Тбилисо".

Везде есть жизнь, и тут была своя.
Услышав соло, я насторожился
и поднял над бутылками лицо.

"Каскад" был полон. Чудом отыскав
проход к эстраде, в хаосе из лязга
и запахов, я сгорбленной спине
сказал: "Альберт" и тронул за рукав;
и страшная, чудовищная маска
оборотилась медленно ко мне.

Сплошные струпья. Высохшие и
набрякшие. Лишь слипшиеся пряди,
нетронутые струпьями, и взгляд
принадлежали школьнику, в мои,
как я в его, косившему тетради
уже двенадцать лет тому назад.

"Как ты здесь оказался в несезон?"
Сухая кожа, сморщенная в виде
коры. Зрачки - как белки из дупла.
"А сам ты как?" "Я, видишь ли, Язон.
Язон, застрявший на зиму в Колхиде.
Моя экзема требует тепла..."

Потом мы вышли. Редкие огни,
небес предотвращавшие с бульваром
слияние. Квартальный-осетин.
И даже здесь держащийся в тени
мой провожатый, человек с футляром.
"Ты здесь один?" "Да, думаю, один".

Язон? Наверяд ли. Иов, небеса
ни в чем не упрекающий, а просто

сливающийся с ночью на живот
и смерть... Береговая полоса,
и острый запах водорослей с Оста,
незримой пальмы шорохи - и вот
всё вдруг качнулось. И тогда во тьме
на миг блеснуло что-то на причале.
И звук поплыл, вплетаясь в тишину,
вдогонку удалявшейся корме.

И я услышал, полную печали,
"Высокую-высокую луну".

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананиашвили

Цитата номера:

Песнь про вещи Олега

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

№ 36

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 108 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) бесплатно предоставляется на почтовом сайте www.mailru.com и далее по адресу eugenelev@fromru.com (пароль — academia).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога